

***Национальные особенности добычи
рассыпного золота гидроэлеваторным
способом в условиях вечной мерзлоты***

Е.Курепин, А.Курепин

Ты помнишь, дружище, вьетнамские кеды?
Коленную выпуклость детских колгот?
Настольный хоккей у блатного соседа?
Дай, Боже, мне память, какой это год?
А помнишь те, вязанные рукавицы,
Да-да, на резинке из старых штанов,
Родителей наших счастливые лица
...Гагарин... Харламов... Блохин... Моргунов...
А помнишь – мы жвачку жевали неделю,
На ночь в холодильник её положив?
Иль помнишь «Орленок»? Вот это был велик!!!
Разбит он, до наших детей не дожив...
На школьном дворе помнишь лихость былую?
А первый, с ночевкой в палатках, поход?
И, помнишь, РЕШАЛИСЬ мы на поцелуи...
Дай боже мне память, какой это год?
Так если ты помнишь – вон душу на плаху!
Какая Европа, Америка, ..ля? «Несчастное детство»? –
Идите вы на фиг ...
Счастливей – не будет уже у тебя...

[Игорь Кудрявцев 13.02.09](#)

ЧАСТЬ 1 Школьные годы, чукотские...и не ТОЛЬКО

Из Забайкалья на Север

Лето 1960 года. Мне 10 лет. Я закончил 3 класса семилетней школы №1 в г.Балее. Мы с соседями едем на север, потому что отец и дядя Женя Уваров заключили договора с трестом «Северовостокзолото» и уехали, аж, на самый север Чукотки, на рудник Валькумей. Теперь вслед за ними едем мы с мамой и тетя Тося с двумя детьми, Женькой и Серегой. Из Балея Ан-2 до Читы. Из Читы через Сковородино до Хабаровска. В Хабаровске сидим два дня, в ожидании отправки рейса на Магадан. Наконец дают разрешение на вылет. Но долететь удастся только до Охотска. В Магадане опять нелетная погода. Проводим в аэропорту Охотска еще день. В Магадан прилетаем в аэропорт на 13 км. Дальше нужно лететь в Певек. Но опять плохая погода, уже в Певеке. Живем в гостинице около аэропорта. Рядом с гостиницей небольшая сопка. Я забираюсь на вершину. Там заросли хвойных деревьев чуть выше моего роста с относительно большими шишками. Мне объясняют, что это кедр, и что шишки съедобные. Я надрал полные карманы. Хожу, лущу орешки и грызу их. Орешки еще незрелые. Но в Балее кедра нет. Началась северная экзотика!

Наконец мы прилетаем в аэропорт Певека – поселок Апапельхино. Взлетная полоса аэропорта расположена на галечной косе вблизи места впадения небольшой речки в море. Я впервые так близко вижу море. Это берег бухты, которую называют Чаунская губа. Далеко на севере виден другой берег бухты. Это берег острова Айон. Чуть ближе два небольших острова (большой и малый Раутан). Мы прилетели поздно вечером, около 12 часов ночи, а светло, как днем. На севере, где бухта выходит в море, невысоко над водой висит солнце. Из-за того, что сейчас ночь, нас не перевозят через речку. Мост еще не построили. Наконец начинается переправа при помощи большой деревянной лодки. Переправились. Сидим на чемоданах, ждем попутного транспорта. Автобуса нет из-за того, что сейчас ночь. А солнце светит и море шумит. Прибой потихоньку приближается к дороге, а речка замедляет свое течение и становится все более широкой. Это прилив. Нас перевезли вовремя.

Еще два лета я буду наблюдать летние путешествия солнца над морем по северным небесам. После переезда на Комсомольский такой картины увидеть не удавалось, так как ночью солнце пряталось за сопку, с южной стороны которой стояли дома поселка.

1961 год

Северная экзотика. Живем на Валькумее. Рыбалка на берегу моря. Ловим неводом гольца, ряпушку и корюшку. Запах свежих огурцов – это запах корюшки. Шуршащие по небу сполохи северного сияния. Полет Гагарина. Приятель Алик Фролов. Последний из могикиан. Вода для питья из снега. Сугробы выше крыши. Ловля наваги с края льдины на красную тряпочку. При проверке капканов, поставленных отцом на льду бухты для ловли песка, обнаруживаем в капкане лапу. Отец говорит, что песец ее сам себе отгрыз, чтобы освободиться!

Играем в футбол около двухэтажки на нижнем поселке. Пионерский лагерь. Поход на Кекуры в район поселка Апапельхино. В гостях у пограничников. Заболел желтухой. Лежу в инфекционке в Певеке. Помогаю чокнутому мужику резать вены.

В начале 1962 года отцу поставили диагноз «белокровие». Вывели из шахты и направили на открытые работы на прииск Комсомольский.

1961-1962 гг - пятый класс.

Весной 1962 года мы переехали на Комсомольский с Валькумея. Школу еще строили и занятия проходили в здании первого общежития. Учились в две смены.

Больше всего из этого времени запомнилось, как нас кормили в поселковой столовой. Школьников приводили туда в самом конце обеденного времени. Дежурный класс расставлял на столы тарелки с супом. Рассаживались, быстро съедали первое и второе и ждали, когда появятся деликатесы, из-за которых мы готовы были съесть и манную кашу на сухом молоке, и картофельное пюре из сушеной картошки. Наконец они появлялись – горячие, обжигающие рот пирожки с яблочным повидлом и компот. В дополнение к компоту на столы выставляли большие миски с разваренными в компоте сухофруктами. Жители общежитий, питавшиеся в столовой, не любили, когда сухофрукты попадали в стаканы с компотом. Их презрительно называли «эфиля». Мы же с удовольствием заедали пирожки «эфилями» на радость добрым поварихам.

1962-1963 гг – шестой класс.

Этот учебный год прошел в новом школьном здании. Новые классы, библиотека и самое главное – спортзал. Для жителей Комсомольского появление спортзала, где можно было играть в волейбол, баскетбол, гонять футбольный мяч, заниматься борьбой или боксом было большим событием.

Ну, а запомнился этот учебный год мелкими пакостями, которые поселковые сорванцы устроили на «строго охраняемой» территории шлихообогатительной фабрики.

История про ШОФ или как кончается детство

На фотографии, открывающей в «Одноклассниках» страницу группы «пос.Комсомольский и его обитатели», прямо по центру видна территория шлихообогатительной фабрики (ШОФ).

Весной 1963 года перед началом промывочного сезона ШОФ собрались ремонтировать. Завезли во двор доски и несколько пучков дранки для штукатурки. Но сразу ремонтировать не стали. Пока материалы лежали во дворе, дожидаясь начала ремонтных работ, кто-то из поселковых сорванцов отодрал доску в заборе и обнаружил там дранку. А дранкой очень хорошо фехтовать... Правда, она быстро при этом ломается.

В результате на следующий день после находки за забором "строго охраняемого стратегического объекта" начались мушкетерские поединки, которые продолжались до тех пор, пока дранка не закончилась.

Мушкетеры продолжили поиски и обнаружили, что двери в здание ШОФ открываются. Это позволило совершить еще много новых и интересных находок. Так на обитых материей столах малыши обнаружили "золото". Это были кристаллы пирита или халькопирита, но малыши об этом не знали, и находка перешла в их карманы в виде «золотых кладов».

Сорванцы нашли также небольшие, но очень тяжелые запаянные баллоны, в которых что-то булькало. Кто-то из старших приволок лом. Как можно воспользоваться ломом для определения содержимого баллонов знали все.

Обнаруженную в пробитом баллоне тяжелую жидкость (а это была ртуть) разлили в бутылки из-под шампанского и утащили кто-куда. У нашего племени могикан на Каатыре примерно в 2 км выше поселка был "вигвам", где мы держали разные полезные, на наш взгляд, предметы: огнепроводный шнур, электродетонаторы и динамитные шашки, которые мы весной находили около зимних шурфов, а также прочую, необходимую для каждого уважающего себя индейца, ерунду. Туда же мы спрятали и бутылку с ртутью.

Что произошло с этой бутылкой и налитой в нее ртутью я не знаю. Может быть, она до сих пор лежит под слоем гальки в плотном окружении кустиков ивы. А может быть, бутылка лопнула и комсомольчане 40 лет пили воду из копани с привкусом ртути? Хочется надеяться на лучшее. А то до сих пор совесть мучает.

Разгром ШОФ был прекращен «бдительными» взрослыми, которые примерно через неделю после первого проникновения «индейцев» на территорию "объекта" обнаружили у магазина (он тогда был один) пацана лет семи, который увлеченно гонял палочкой по

крыльцу капли ртути, называя ее "живой водой". Одновременно учителя заметили, что среди младших школьников идет оживленный обмен "золотыми запасами". Тех, кто попался, допросили с пристрастием. Некоторым удалось выйти из этой истории "сухими".

Доску на заборе ШОФ прибили на место. Натянули колючую проволоку, благо ее на Чукотке в те времена хватало (видимо старые запасы еще не иссякли). Поставили круглосуточную охрану.

Потом меня увезли в отпуск. Когда через шесть месяцев мы вернулись на прииск - была уже зима. Шалаш замело снегом. В тот год я в шалаш больше не попал.

Детство закончилось в следующем году. Повзрослевшие четырнадцатилетние Чингачгуки, оставшиеся в 1964 году на лето в поселке, пошли работать маркработчиками и их «вигвамы» осиротели.

Физик Игорь (1963-1964 гг – седьмой класс).

Весной мои родители поехали в полугодовой отпуск, и мы вернулись на прииск поздней осенью, когда занятия уже начались. За прошедшие полгода мои одноклассники подросли и повзрослели. А в школе появились новые учителя.

Физику вел приехавший на Чукотку по распределению из Муромского пединститута молодой преподаватель. Фамилию его я не помню. За глаза мы звали его Игорь. Так и осталось в памяти – без отчества.

Как я сейчас понимаю, он оказался талантливым педагогом. Общаться с ним было интересно не только на уроках, которые быстро стали самыми любимыми, но и после них. Игорю дали комнату в квартире нового дома, куда мы довольно часто приходили по вечерам. Надеюсь, мы не очень громко себя вели и соседям не мешали. У Игоря была хорошая коллекция магнитофонных записей джазовой музыки. Он рассказывал нам о великих физиках и их открытиях. Мы слушали джаз и обсуждали разные школьные (и не только) проблемы.

К сожалению, Игорь проработал в школе всего один год и летом тихо уехал из поселка. От общения с ним осталась любовь к джазовым записям конца сороковых годов и особенное отношение к учебной дисциплине «физика», давшее мне специальность, которая вот уже тридцать шесть лет кормит меня и моих родных (в 1973 году я окончил физфак Новосибирского университета).

Закон Промежутка (лето 1964 года)

На летних каникулах несколько моих одноклассников, и я в их числе, устроились на работу в маркотдел прииска. Возраст 14 лет позволял летом работать, а не бить баклуши...

Фамилия маркшейдера, к которому меня направили, была Иванов. Он меланхолично посмотрел на нового сотрудника, покусал нижнюю губу и сказал: «Приходи на следующей неделе, сейчас работы нет». Я в недоумении поплелся домой, бормоча что-то про вред штурмовщины (политически мы все были хорошо подкованы).

«Штурмовщина» началась примерно через две недели. Кончался первый месяц промсезона, и нужно было определить объем выработки бульдозеристов. Вооруженные стометровым шнуром из телефонного провода, на котором через 10 метров были привязаны красные тряпочки, рейкой, штативом, нивелиром и теодолитом мы по 10-12 часов проводили на третьем участке. Бульдозеристы во время перекуров с интересом наблюдали за нами, советуя рейку ставить поглубже. Но не тут то было. Даже если красная метка оказывалась над отдельно торчащим из грязи полигона камнем, мы строго выполняли указание маркшейдера. Гнать туфту жизнь нас еще не научила.

Когда съемка полигона была завершена, Иванов удалился в контору производить свои таинственные расчеты, снова отправив нас по домам.

В конце июля начальство решило начать вскрышу полигона на новом участке. Для учета объема работ потребовалось провести измерение уровня поверхности нового участка. Репера, обеспечивающие привязку места работ к абсолютным высотам, там уже были поставлены раньше.

Для проведения съемки в кратчайшее время собрали маркшейдерский «десант». Каждому мастеру теодолитных дел было назначено по три подмастерья (один рейку носит, а двое других – с мерным шнуром бегают) всех посадили на ГАЗовский вездеход и отправили в командировку на участок Промежуточный. От поселка до Промежуточного было примерно 50 км.

Лето в тот год было теплое. Морошку уже можно было есть, чем мы и занимались, пока маркшейдер менял место установки штатива. Утром, пока завтрак еще не рассосался в желудке, перерывы на поглощение крупной янтарной ягоды были короткими. Но ближе к обеду молодежь, побросав шнуры и рейки, расползалась по тундре, маскируясь за кочками и вынуждая маркшейдеров заниматься поисками своих подчиненных, вместо того чтобы работать, пока дожди не начались.

Обедали за большим дощатым столом, над которым был сделан навес. Посредине стола в столешницу был глубоко воткнут большой самодельный нож, больше похожий на короткий меч гладиатора. На наш вопрос «Зачем?» один из работяг-бульдозеристов, живших в стоявшей неподалеку будке, дал короткий ответ: «Закон Промежутка!». Насладившись эффектом, произведенным фразой, он добавил, показывая на нож: «Вот это наша жизнь, а остальное (он провел рукой над левой и правой частью стола) до и после!».

На обратной дороге выхлопная труба вездехода, выходящая над гусеницей, устроила несколько поджогов тундры, просохшей за время нашей работы на Промежуточном. Раскаленные выхлопные газы попадали на цепляющийся за траки гусеницы мох. Сухой ягель вспыхивал, как свечка. Останавливались, бегали с лопатами и дружно тушили расползающийся по тундре огонь, матеря конструкторов этой чудомашины.

P.S. Много позже появился суровый популярный фильм «Земля Санникова» с великолепной песней «Есть только миг, между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...».

Байка о подарочной стоимости.

Я не знаю, откуда А.Галич взял сюжет своей известной «Баллады о прибавочной стоимости». Но на приiske был похожий случай.

Произошло это, кажется, зимой 1964 года. У одного из обитателей общежитий, латыша или литовца по национальности, где-то за границей скончалась близкая родственница, оставившая ему по наследству приличное, по тем временам, состояние. По слухам стоимость завещанных драгоценностей и валюты составляла несколько сот тысяч. Наверное, имелся ввиду рублевый эквивалент, так как в те времена на Чукотке, кроме рублей, знали еще только две валюты, измеряемые в граммах и поллитрах.

Компетентные органы нашли родственника покойной и доставили наследуемое в районный банк. А другие компетентные органы предложили ему отказаться от наследства в пользу государства. В поселковых слухах обсуждался даже конкретный объект для инвестиций – детский сад на приiske.

Но «кадр» оказался несознательным и чужих детей не любил. Он не только отказался от предложений добрых людей, но и забрал из банка часть денег и драгоценностей для личного использования.

Ну и, как в России принято (и как происходит в балладе у А.Галича), это счастливое, как он думал, событие крепко с друзьями отметил. Но рубли быстро кончились, а продолжения банкета хотелось. Пришлось ему срочно что-то продать, и, видимо, не совсем «правильному» покупателю. В результате его обвинили в валютных

операциях, и он исчез с прииска в места не столь отдаленные. Так вместо предложенной всенародной славы благородного рыцаря, получивший неожиданный подарок упрямец ощутил его действительную стоимость. Куда пошли конфискованные в пользу государства ценности история умалчивает.

«Средство от ностальгии»

В 1965 году я закончил 8 класс. В то время дневная школа на поселке была восьмилеткой, поэтому для продолжения обучения добру молодцу пришлось выбирать из трех путей один: интернат в Певеке, вечернюю школу в поселке или техникум на материке.

Семейный совет рассмотрел весь предложенный список и выбрал третий путь. И поехал я на Урал, где в городе Нижний Тагил был техникум имени братьев Черепановых, тех самых, что изобрели русский паровоз. Прииск дал направление на учебу. Родители снабдили деньгами, а «Полярная авиация» продала билет на рейс «Апальехино-Магадан». И полетел я на материк набираться ума-разума.

В школе я учился хорошо, поэтому вступительные экзамены сдал легко, на все пятерки. Даже диктант умудрился без ошибок написать. Зачислили меня на факультет «автоматики и телеметрии» в группу, обучение в которой проводилось на английском (!?) языке.

До начала учебы оставалось около месяца. Жил в общежитии. Вечерами от нечего делать ходил в городской парк играть в волейбол и слушать лекции в планетарии. Не смотря на то, что задача поступить на учебу была выполнена, настроение было неважным.

Как-то раз, во время очередной лекции, где подробно объясняли и демонстрировали, как образуется и выглядит оптическое явление, которое называется «полярное сияние», я вдруг понял, что этот большой и грязный город меня душит, окружающие люди раздражают, а дым многочисленных заводских труб мешает дышать и видеть небо...

В общем, я заболел. Ностальгией. А от этой болезни есть одно действенное средство – дорога. Документы в техникуме мне не отдали. Попытались уговорить остаться, рисуя перспективы, которые открываются в стране Советов для специалиста со среднетехническим образованием, которое дает их техникум. Но было поздно. Болезнь приняла хроническую форму. И я рванул на восток.

Возвращаться на прииск было неудобно – не оправдал возложенных надежд. Поэтому я поехал в Забайкалье, в город Балей, где жили дедушка с бабушкой, и откуда наша семья в 1960 году отправилась осваивать заполярные просторы.

Там я прожил год. Окончил 9 класс. Все, чем занимался, удавалось легко. Начиная от учебы, спорта и кончая известностью в детской комнате милиции, где меня взяли на учет за участие в нескольких стычках с такими же активными молодыми людьми из других районов города.

Перенесенный год назад приступ ностальгии стал уже забываться. Но тут приехали в очередной полугодовой отпуск родители, забрали меня с собой отдыхать на юг, где своими рассказами о жизни на прииске разбудили заснувшую бациллу.

Метод лечения я выбрал тот же. В конце августа самолет «Полярной авиации», вылетевший из Москвы в Певек по северной трассе, повез меня обратно на прииск. Попытка получить среднетехническое образование провалилась.

Немного о футболе

Мы были обыкновенными мальчишками с окраины маленького сибирского шахтерского городка Балей, По названию ручья, протекавшего по одной из улиц, окраину называли Ушканкой. Как и все юные обитатели Ушканки в свободное от школы время мы

играли в футбол, в «войнушку», чеканили «зоску», лазали по чердакам, «висели на заборах», в отсутствии взрослых играли по копейке в «чику» и «подкат», а также занимались многими другими важными делами. Например, ходили на разрезы ловить сорочек «на банку» или на Унду таскать пескарей на удочку.

Но все же юные жители частных домов на 3-ей Нагорной улице отличались от своих одноклассников с других улиц. В самом начале нашей улицы стоял казенный «учительский» дом, где жили семьи школьных преподавателей. В одной из квартир этого дома жил наш приятель Виталька.

Во дворе у Витальки стоял настоящий теннисный стол, на котором мы изломали кучу отечественных шариков для пинг-понга, устраивая чемпионаты улицы и ее окрестностей. На самые ответственные игры Виталька доставал настоящие китайские шарики, разбить которые считалось верхом неприличного поведения. На стене веранды висел небольшой щит с баскетбольным кольцом, куда можно было побросать настоящий рязанский баскетбольный мяч.

Все эти сокровища были у Витальки потому, что его папа, Константин Федорович Луговцев, был учителем физкультуры. И еще он был тренером по футболу, поэтому Виталька играл в футбол лучше всех на нашей улице. Обычно он играл в нападении. А меня ставили в ворота. Роль вратаря мне удавалась. Ребята даже дали мне прозвище «вратарь-кандида» (по фамилии героя известного фильма про футболистов). Это прозвище приятно щекотало самолюбие.

Границы ворот мы отмечали снятой одеждой или сложенными в кучку портфелями. Это вызывало много споров на тему «был гол или нет» в случаях, когда мяч пролетал над «штангой» или высоко над головой вратаря.

Как то Константин Федорович, иногда наблюдавший за нашими баталиями, пригласил меня поиграть в футбол на стадионе в настоящих воротах. Это было в 1959 году. Мне тогда было девять лет, и я оказался одним из самых молодых участников команды «Звездочка», которую тренировал Константин Федорович. В этой команде полузащитником играл и Виталька. Вначале я был вторым вратарем, но это продолжалось недолго. И к концу чемпионата города этого года я стал играть в основном составе. Во время вручения нам кубка города по возрастной группе 10-11 лет было сделано фото, помещенное в фотоальбоме открытой группы «Балей, школа 5», созданном в «Одноклассниках».

Подробностей игр и тренировок я не помню. Видимо, за пятьдесят прошедших лет они оказались похожими друг на друга. Но вот душ, в котором после тренировки можно было помыться и привести в порядок измазанную в траве или грязи форму, был явлением для уличного футболиста особенным. Его я помню до сих пор. И еще я узнаю на фото лица всех ребят из команды, но «кто есть кто» уже припоминаю с трудом. Основной состав «Звездочки» 1959 года сохранился до 1966 года (фото этого года тоже есть в этом фотоальбоме), когда большинство участников команды окончили школу и разъехались по стране поступать на учебу, а кто не поступил – отправился в армию.

В 1960 году мой отец завербовался на работу в Магаданскую область, и меня увезли из города. Так закончилось мое первое общение с Константином Федоровичем Луговцевым, как с футбольным тренером.

Второе мое появление в «Звездочке» произошло в 1965 году, когда я сбежал из Нижнетагильского горно-металлургического техникума в Забайкалье, где в Балее жили дедушка с бабушкой, и откуда наша семья в 1960 году уехала на Чукотку. Заниматься разными игровыми видами спорта я за это время не переставал, поэтому довольно быстро удалось вернуться в повзрослевший на пять лет состав «Звездочки».

А летом 1966 года во время игры в Чите (кажется, тогда на стадионе ЗабВО проводился кубок области по юношам) произошел случай, который до сих пор я помню так подробно, как если бы это случилось вчера. Вратарей в команде было двое. Мы играли по очереди. Моя очередь попала на полуфинальную игру. При счете 1-1 я вышел на

перехват мяча, летящего со стороны центра поля. Его догонял нападающий команды противника. Защитники наши отстали. Я видел, что могу не успеть поймать это мяч и, чтобы отвести игру подальше от ворот, решил отбить его кулаком. Но в последний момент, когда я уже наносил удар, нападающий ловко боднул мяч головой снизу. Мой кулак вместо мяча попал ему в нос. Мяч перелетел через меня, а из носа нападающего хлынула кровь, и он рухнул мне под ноги. Краем глаза я видел, как мяч, словно нехотя, медленно закатился в ворота.

Случившееся словно заколдовало меня. Ноги не слушались. Я стоял в растерянности, пока лежавшего без сознания нападающего не унесли с поля. Гол засчитали. Константин Федорович выпустил в поле вместо меня второго вратаря. Но команда оказалась тоже расстроена этим событием и игра была проиграна.

Выйти из шокового состояния мне тогда так и не удалось. Я считал, что в проигрыше команды виноват именно я. Глядеть в глаза товарищам мне было очень тяжело. И, чтобы поскорей забыть весь этот ужас, я попросил Константина Федоровича отправить меня домой на самолете. Остальная команда вместе с тренером возвращалась домой на поезде.

Это была моя последняя игра в футбол.

«Черт попутал...»

В самом начале сентября 1966 года я возвращался на Чукотку из Москвы длинной северной трассой, через Амдерму, Тикси, Диксон, Чокурдах и Нижние Кресты (п.Черский, он же Зеленый мыс). Самолет Ил-14 принадлежал «Полярной авиации». Кресло передо мной занимала молодая женщина с сыном, которому было года четыре. На Чукотку они летели впервые. И, оказалось, что тоже на Комсомольский. С малышом мы подружились еще где-то в середине полета. И скучать друг другу не давали – развлекались, как могли. В Чекурдах самолет прилетел поздно вечером, наутро был сильный туман и вылет несколько раз откладывали. Потом не принимал Певек. Жили в местной гостинице и ходили гулять на берег Индигирки. В результате до места назначения добрались только на третьи сутки.

В этот день в Апателхино, кроме нашего самолета, прорвался только еще один борт из Магадана. На улице было прохладно, и прибывшие собрались в здании аэропорта. Народу в зале ожидания оказалось немного. Мы уселись в пустующие кресла. Малыш общался с мамой, а я от нечего делать рассматривал пассажиров, скучающих в ожидании прибытия автобуса из Певека.

На лавочке напротив сидела очень симпатичная рыжая девочка примерно моего возраста, одетая в тоненький синий плащ. Несколько раз я пытался перехватить ее взгляд, но неудачно. Прекрасная незнакомка не обращала на меня никакого внимания.

В это время в зал вошел чукча в кухлянке и меховых штанах. Мой юный друг, сидевший рядом со мной, при виде хозяина тундры пришел в полное восхищение и, немного подумав, громко завопил: «Мама, это черт?». Народ вокруг рассмеялся. Не сдержалась от смеха и рыженькая. Чтобы рассмотреть юного этнографа ей пришлось поднять глаза...

Так я познакомился с Тамарой. В то время ей было 15 лет. Через шесть лет она сменила фамилию Стукалова на Курепину.

Как мы караль осветили (осень 1967 года)

Каждую осень в логу между взлетной полосой поселкового аэродрома и кладбищем на огороженной жердями территории загона («коралья») проводили забой оленей. Чукчи пригоняли стадо. Прииск помогал рабсилой и через неделю-полторы пастухи налегке возвращались домой в совхоз. А на приiske и в Певеке появлялась

оленина, которую почти все северяне предпочитали доставляемой с материка говядине или свинине.

В 1967 году бригаду электроцеха отправили на трудовой подвиг – срочно восстановить временку от подстанции до карала. Через неделю ударного труда мы протянули свою «ЛЭП-380 В» до места забоя и сделали наружное и внутреннее освещение всех рабочих мест.

В качестве награды (и для поддержания освещения в рабочем состоянии) нас оставили на карале до конца забоя. Участникам забоя разрешалось купить тушу оленя, а также в качестве бонуса - несколько килограммов языков и сердец.

Загон стада в караль прошел успешно. Освещение в норме. Работа идет круглосуточно. Загонщики подгоняют очередную жертву в самое узкое место загона. Там расположились забойщик и три его помощника. Основной забойщик чукча. У него в руках длинный тонкий нож, одним движением которого он отправляет очередного оленя на разделку. Мы сидим в будке, играем в карты (один дежурный электрик и двое его сменщиков). Все бы хорошо, только вот с едой...

С едой тоже хорошо. Плохо с аппетитом. Из разделочной и от сваливаемых в кучу отходов запах такой, что в ничего в горло не лезет. Поэтому во время обеда для поднятия аппетита разрешено принимать. Одну бутылку на троих. В среднем.

Ну, для наших работяг сто пятьдесят-двести грамм, как слону дробина, а для чукчей перебор. Поэтому после обеда основной забойщик спит на нартах у стены разделки, а его место на забое занял один из его помощников. Но так быстро справиться с одичавшими от запаха крови животными, как это происходило, пока основной забойщик стоял на ногах, не получается.

Удары ножа, наносимые оленю помощником, только приводят рогача в бешенство, и если бы не прочные стенки загона, его удержать бы не удалось.

Наконец, озверев от сопротивления этого, с виду небольшого, самца, занявший место основного забойщика помощник хватается кувалду и с размаху бьет оленя в лоб. Тот падает на передние колени, потом хрипит и с трудом поднимается. Кровь, крики, мат...

В это время чукча-забойщик приходит в себя, видит эту картину, хватается свой нож и кидается на помощника. Чукчу ловят. Он вырывается. В драке ему разбивают нос и связывают руки куском веревки. Чукча сидит, плачет, размазывает по лицу слезы и кровь: «Олешку жалко!!!».

Не пьем, а только лечимся...(зима 1968 года)

В феврале 1968 года я работал в электроцехе прииска. Четыре раза в неделю посещал вечернюю школу (11 класс). По выходным дням играл в волейбол или в баскетбол в школьном спортзале, а по вечерам ходил в гости в интернат к Ну, в общем, дел хватало. И тут я заболел. Ангиной. На работу не хожу, в интернат ни ногой – ангина, штука заразная. Хожу в школу. Летом нужно ехать поступать учиться в институт, пропускать школу нельзя.

Неделю болею, вторую. Вроде бы чувствую себя нормально, но с больничного не выписывают, потому что анализы плохие. Уже второй месяц пошел, а моим анализам ничего не помогает – ни полоскание горла фурацилином, ни прием антибиотиков горстями, ни даже «горячие» уколы. И дошло до того, что поселковая больница больничный лист дальше продлять уже не имеет права. Делать нечего, пишут направление в районную больницу и посылают меня в Певек на комиссию.

Приехал, поселился в гостиничный барак, известный всем как «Золотой клоп». Утром сходил в больницу, отдал направление. Дали мне на завтра кучу бумажек на анализы. Иду обратно, а на улице южак, с короба сшибить хочет. Добрался до гостиницы и лег спать. Больше зимой во время южака в Певеке делать нечего. К вечеру в бараке появилось несколько комсомольчан. Они удачно решили свои командировочные вопросы,

и поэтому собрались это достойно отметить. А так как южак разошелся не на шутку, то в магазин не пошли и достали деликатесы, приобретенные в райцентре для дома. Колбасу из оленины, коньяк и шампанское.

Помню, что в этой компании были В.Полезин и А.Прудников. Володю Полезина я знал, как одного из хороших знакомых отца, работавшего в то время инспектором Певекской РайГТИ. А с Толиком Прудниковым мы иногда в волейбол вместе играли. Они то и подняли меня с кровати. И, не слушая возражений, что завтра анализы сдавать нужно, что уже второй месяц я на больничном - посадили за стол. Кто-то сказал, чтобы я хорошенько налег на шампанское и тогда все анализы будут в норме. Вечернее общение затянулось далеко за полночь.

Утром старшие товарищи разошлись кто куда. Кто домой на Комсомольский поехал, кто по делам командировки в районные конторы убежал. А я, еще не вполне протрезвевший после дружеского застолья, пошел сдавать анализы.

Не знаю, что в моих анализах в действительности обнаружили, но на следующий день мне врач сказал, что я симулянт, что анализы у меня все в норме и больничный мне тут же закрыл.

И поехал я, мгновенно выздоровевший, домой.

На Южном остановились на обед. Сажу в столовой. Вдруг заходит водитель газика директора нашего прииска. Пошептался с женщинами на раздаче и убежал. Ту же на одном из столов заменили скатерть, поставили большую тарелку с белым хлебом, нарезанным большими ломтями, соль, перец, горчицу и пустые стаканы...

Заходит Тараев, садится за стол. Ему тут же несут полную тарелку борща. В это время приходит водитель с бутылкой коньяка. Наливает шефу полный стакан, себе берет компот и присаживается обедать за соседний столик. Директор выпивает коньяк и с аппетитом поглощает борщ. Приносят второе – картофельное пюре и громадную котлету «по-киевски». Тараев так же разом выпивает второй стакан. Второе блюдо кончается еще быстрее, чем первое. Запивает все компотом. Встает, видит, что я за ним наблюдаю. Подмигивает мне. Хлопает себя по животу и говорит: «Хорошо пообедал». Потом благодарит работниц столовой и говорит водителю: «Ну, поехали».

Газик поехал в Певек, а наш «автобус» - ЗиЛ с кунгом (сейчас бы его назвали «вахта») отправился на прииск.

Так совершилось мое приобщение к чукотским методам лечения и профилактики простудных заболеваний.

Как я не попал в стройбат

После моего, неожиданного для балейских друзей, возвращения на Чукотку наше общение поддерживала почта. Авиапочта в те «далекие, уже почти былинные» времена работала хорошо. Писем было много, и двигались они по сибирским просторам быстро. Средний срок в пути был около недели.

Наша балейская кампания отражала особенности заселения «диких степей Забайкалья» в конце 19 начале 20 века. Особенно разнообразными были национальности наших девчонок. Две Эльзы, Эмрих и Альтгейзер, достойно представляли прекрасную половину потомков поволжских немцев. Татьяна Аршавская собрала в себе красоту всей Малороссии. Но даже среди этих чаровниц выделялась Нина Ярошевич, которую мы за глаза звали «польской красавицей Ингой Зориц», выделяя ее среди всех подруг и подчеркивая свои литературные предпочтения – вместо положенной по школьной программе «Войны и мира» все читали «12 стульев», которые в список рекомендованных программой книг не входили.

Наиболее интенсивная переписка у нас установилась с Ниной. Она была старше на два года. Летом 1966 она поступила в Томский строительный институт. Мне же, оказавшемуся в результате «приступа ностальгии» на приiske, до поступления в институт,

предстояло еще два года работать и учиться в вечерней школе. Был, конечно, и другой вариант – забыть про работу и окончить школу экстерном за год. Но, как-то не получилось.

Вот против этого «не получилось» Нина и возражала. Рассказывая в письмах о том, что происходит в институте, чему их учат и как они учатся, она целый год уговаривала меня вернуться к варианту экстерна. В качестве альтернативы сложностям обучения в институте Нина каждый раз указывала на разнообразные прелести, ожидающие меня во время будущей службы в Советской Армии, куда я обязательно попаду, если до наступления восемнадцатилетнего возраста не стану студентом. Но не внял голосу разума юный Вертер...

18 лет мне исполнилось в начале 1968 года. И вот весной районный военкомат присылает мне повестку прибыть в Певек на медкомиссию. Я только что при помощи национальных методов лечения победил длительную ангину. В медицинской карточке стоял диагноз с припиской «осложнение на сердце». Решив, что этот диагноз обеспечит мне отсрочку от призыва до осени, я отправился в Певек, бодро напевая: «И вот приходит мне повестка на бумаге тертой, мятой, туалетной, явится в райвоенкомат...».

Но врачебная комиссия никаких отклонений в моем сердечном здоровье не нашла и причин не брать меня на службу не обнаружила. Однако нашла повод направить меня на службу в стройбат – плоскостопие. Меня обрадовали, что служить мне придется недалеко от дома – в/ч стоит около Анадыря. И что отправиться туда я смогу уже на следующей неделе. Осталось только выписать мне повестку и аккуратно заполнить все анкеты, в частности, записать размеры одежды, шапки, сапог, противогаза, указать мою национальность, отметить какое у меня образование и есть ли у меня родственники за границей?!

С родственниками и национальностью проблем не возникло – «...вы тоже пострадавшие, а значит обрусевшие...». Проблемы возникли с образованием – оказалось, что среднее образование я еще не закончил, и по закону мне положена отсрочка. Военком был явно расстроен. Но «закон есть закон» и вот он жмет мне руку, просит передать привет Галине Ивановне (мама работала в военно-учетном столе поссовета поселка Комсомольский) и предлагает явиться в военкомат осенью.

Привет я передал, но радости лицезреть меня осенью военкому я не доставил – в июле 1968 года сдал вступительные экзамены в Новосибирский университет. Государство в те далекие времена давало студентам отсрочку от службы в армии до конца обучения.

Так меня чукотский стройбат и не дождался. Не сбылись и предсказания Нины.

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Текст этой заметки пришлось набирать, так как поместить ее на форуме в «Одноклассниках» в виде копии не представилось возможным.

В этом посте дословно приведена полная журналистских «штампов» заметка, напечатанная в газете «Полярная звезда» 11 июня 1968 года. Этой заметкой воспоминания о школьных годах заканчиваются.

«Торжественно выглядела в этот день средняя школа прииска «Комсомольский». Сегодня она прощалась со своими питомцами, выпускниками-вечерниками. На выпускной вечер пришли нарядно одетые вчерашние ученики, руководители отделов прииска, начальники горных участков, родители.

С приветствием к виновникам торжества обратился директор прииска Г.М. Тараев. От души поздравив их, он пожелал юношам и девушкам и дальше успешно идти по трудной дороге знаний, окончить вузы и приехать на Север уже командирами производства, учителями, врачами.

Многие, некогда бывшие вечерники, уже работают после окончания высших учебных заведений на прииске механиками, в горно-техническом надзоре и по другим профессиям.

– Так будьте же верны этой нашей доброй традиции. До свидания. Мы ждем вас. – Таково общее пожелание горняков.

Директор школы Л.Л. Яровая вручает своим питомцам аттестаты о среднем образовании. Надо было видеть, каким торжеством, гордостью светились глаза парней и девчат. Они на пути к вершинам знаний.

Аттестаты получают: слесарь цеха ремонта горного оборудования В. Куликов, рабочая Л. Любушина, кладовщик В. Петрова и другие. На электрика А. Курепина представлены материалы о награждении его серебряной медалью.

Задушевной была речь наставника выпускников, классного руководителя В.И. Шафировой.

– Много сил, здоровья, тепла отдали мы вам. Так сохраните это тепло и знание на всю жизнь. Счастливого вам жизненного полета, друзья.

От имени выпускников выступил В. Куликов.

– С кем можно сравнить учителя? Разве, что с матерью. Вашу материнскую заботу, любовь мы ощущали ежедневно. А если кто из нас что-то не понимал, вы, не считаясь со временем, помогали нам понять истину. Не хватает слов, чтобы выразить всю нашу признательность вам, всю нашу любовь. Спасибо вам, родные. Ваши надежды мы оправдаем.

Путевку в жизнь получили одиннадцать комсомольчан.

В. КОНДРАТОВ,
секретарь комитета комсомола прииска «Комсомольский»»

Как я не стал геофизиком

В мае 1968 года я закончил 11 класс вечерней школы поселка Комсомольский и отправился на материк получать высшее образование. Вначале я решил попробовать сдать экзамены на физфак Новосибирского университета. Там уже год обучался физическим наукам мой балейский одноклассник Володя Базанов. Он настойчиво советовал последовать его примеру.

Экзамены в НГУ принимали в июле. Это было удобно, так как в случае неудачи можно было попробовать повторить попытку в августе в любой другой институт. Вариантов продолжения было много, начиная с физфака Томского университета, кончая охотоведческим факультетом Иркутского сельхозинститута. Сказывалась широта интересов и любовь к походам с ружьем по окрестностям прииска.

Аттестат у меня был серебряного цвета (одна четверка по русскому языку), поэтому для поступления было достаточно на пятерки сдать всего два экзамена – по письменной и устной математике. Письменный экзамен я прошел успешно, а вот на устном получил четверку. Сдачу экзаменов пришлось продолжить по полной программе, включающей письменную и устную физику и сочинение (оценку за сочинение не ставили, в конкурсе она не учитывалась, нужно было просто сочинение написать).

На экзамене по письменной физике я довольно быстро решил все задачи. Записал их решение на учтенные листы и собрался работу сдавать. Но время для проверки еще оставалось, и я решил посмотреть свои записи еще раз. В самой сложной задаче, дающей примерно половину баллов, я обнаружил ошибку и исправил ее. В остальных, простеньких на вид, ошибок не заметил. Сдал работу и вышел на улицу. Внутри все тряслось от напряжения. Недалеко от входа в универ стояла скамейка. Уселся, достал сигареты. Спичек в карманах не оказалось. В это время к скамейке подошел среднего роста брUNET. Огонек у него нашелся. Закурили, разговорились. Он тоже сдавал письменную физику. Причем тот же вариант, что и я.

Естественно, что мы обсудили каждую задачу. Оказалось, что наши решения не совпали на 100%. Выбросив окуроч в траву, я грустно сказал: «Ну, значит, пара!» и потопал в общагу.

На утро выяснилось, что последняя задача мной была решена правильно. В результате за письменную работу я получил тройку. Это позволяло в случае пятёрки на устном экзамене надеяться на лучшее.

Во время устного экзамена я зашел в аудиторию часам к пяти вечера. Усталый экзаменатор молча выслушал ответ на билет. Потом долго задавал мне разные дополнительные вопросы. Я также долго ему отвечал. Наконец я ему надоел. Экзаменатор изучил мой экзаменационный лист. Спросил откуда я приехал и что окончил. К этому моменту я уже совсем пришел в шоковое состояние и не понял, почему после моего ответа про Чукотку и вечернюю школу он облегченно сказал: «Ну, четверки Вам хватит!».

В результате на профильных экзаменах я набрал 16 баллов. А проходным был 17 с собеседованием. В списке приглашенных на собеседование меня не оказалось. Поэтому я решил, что физфака мне не видать.

В это время прошел слух, что на геофизику образовался недобор. После обеда я забежал в их приемную комиссию. Там сидели и скучали два молодых бородатых мужика. Мы побеседовали. Мужики заявили, что именно таких кадров их бродячей науке сегодня и не хватает. Особенно понравилось, что я приехал с Чукотки и был немного знаком с бытом этой профессии. Мужики мне тоже понравились. Договорились, что завтра я заберу документы из приемной комиссии физфака и принесу к ним.

Вечером абитура, которая жила со мной в одной комнате, скинулась и командировала меня за вином в торговый центр. Никто из них экзамены не сдал, а у меня появился реальный шанс стать студентом-геофизиком. Вот с меня и причиталось. В ТЦ я купил семь (по числу живших в комнате) бутылок красного болгарского вина, сложил их в авоську и пошел обратно в общагу. Проходя мимо универа, я решил посмотреть на список счастливчиков, зачисленных на первый курс физфака. Список был вывешен в холле первого этажа. Более 200 фамилий. Я решил взглянуть есть ли в списке кто знакомый. Читать начал с конца, где располагались фамилии абитуриентов, набравших меньше всего баллов. Потом мне это надоело и я начал читать список с начала, где были фамилии поступивших с максимальным числом баллов. Под номером 13 я обнаружил своего однофамильца. Более того и инициалы были такими же! Тут явно что-то было не так. Конечно, бывают случайные совпадения, но...

Некоторое время я стоял, соображая, в чем тут может быть дело. Ведь если это я, то почему в начале списка? И тут дошло! Ведь у меня стаж работы больше двух лет. Я же вне конкурса иду! Так вот что имел в виду экзаменатор, когда сказал, что четверки мне хватит.

В общагу я прилетел, как на крыльях. Вино пили без закуски. Я – за здоровье, а остальные на прощанье. На геофизику я переводиться не стал.

Брюнет, с которым мы курили после письменной физики, встретился мне снова на картошке в совхозе «Морозовский», куда в сентябре отправили первокурсников. У него была семиструнная гитара. Я тоже знал штук семь блатных аккордов. Так я познакомился с Борисом Шварцем.

Письмо из дома

Весной 1969 года пришлось придумывать, как вместо летнего стройотряда, обязательного для окончивших первый курс, съездить на каникулы домой, на Чукотку.

Придумали. Отец на имя университета прислал письмо от руководства прииска, что, дескать, промысловый сезон на грани срыва и только электрик третьего разряда Курепин А.Е. способен исправить это катастрофическое положение. Помогло. Отпустили на все четыре стороны.

Одновременно в конверте лежало описание очередного «подвига» Илюхина, большого любителя рыбалки и выпивки.

Вот текст этого описания, почти дословно.

«1 мая ездили на рыбалку на Паляваам. Ничего не поймали. Съели одного зайца и четырех куропаток.

Ездил с нами Илюхин. Нахотались до слез, до спазмов в желудке.

Вначале я его не хотел брать, так как он пришел уже пьяный. Но он заявил, что больше пить не будет, и что ничего спиртного у него с собой нет. Зоя Георгиевна, жена его, тоже просит: «Возьмите его. Он ни одной бутылки не взял». Я прощупал его рюкзак – действительно ничего нет?! Поехали.

На складе ГСМ остановились заправляться. Смотрю, Илюхин из будки сторожа тащит целую охапку бутылок. Я чуть в обморок не упал. Оказывается, что этот стратегический запас ему заранее на тракторе привез Борис Петров. Выручил друга!

В результате Илюхин двое суток не просыхал и других спаивал. А они и не отказывались. Веселятся вместо рыбалки. То песни поют из Высоцкого, то со спидолой вокруг будки друг за другом маршируют, приплясывая. То Илюхин плакать начинает: «Я ведь должен сейчас находиться на параде в Москве. У меня все родственники там!». Ребята его с нарочитым вниманием уговаривают. Он успокоится и опять начинает Высоцкого петь: «Скалолазку», «Нейтральную полосу», «Горят бадаевские склады».

Однажды лежу я около лунки и дергаю мормышку. Подходит Илюша. Показывает мне свои блесны. Потом говорит, что лунку надо бить ближе к берегу. Я ему говорю: «Иди, бей». Он отошел и долбит. Продолил. Поставил около лунки спидолу и кричит в лунку: «Рыба, алло, говорит Москва!».

Я увлекся, гляжу в лунку, как бычки с блесной играют. Потом обратил внимание, что тихо стало. Оглянулся, а Илюша спит на льду, пешню под голову положил. Еле растолкал его.

На другой день подъехали еще две будки: с первого участка и геологи. За общим обедом «врезали» хорошенько и кричат: «Тут рыбы нет! Поехали на Усть-Чаун!». Я бегаю от одной будки к другой, уговариваю не ехать – провалимся. Потом уже Векшан протрезвел, послушался меня. Повернули назад.

После этого я командую: «Кончай рыбалку, едем домой!»

Вот так мы порыбачили. 30 апреля уехали – 2 мая приехали. Весело время провели. Живот и сейчас болит.

Ну, будь здоров! Учись хорошо!»

Цена охлажденного шампанского

Лето 1969 года. Я приехал на каникулы после первого курса университета. В поселке рассказывают очередную историю о любителе рыбалки и выпивки А.А.Илюхине.

Илюхин, Потапов, Гоц и Селиванов пили шампанское на речке Каатырь. Часть бутылок поставили охлаждаться в воду. Несколько штук уже выпили и, слегка обалдели. Потапов просит Васю Гоца: «Вася, достань холодненького, освежиться хочется!». «Да я в ботинках - отвечает Гоц – в воду лезть нельзя. Вон, Илюхин, в сапогах. Пусть достанет». Илюхин всегда ходил в хромовых сапогах. Но он их снял, сидит за выпивкой босой. Вставать лень. Он отдает сапоги Гоцу.

Вася натянул сапоги и залез в них в речку. Приносит очередную бутылку и матерится: текут сапоги, все ноги промочил! Потапов, недолго думая, кричит: «Да выкинь, ты, эту рвань в речку». Вася снимает сапоги и кидает их в воду.

Илюхин возмутился! Ну, надо же! У него ничего не спросили и его же сапоги в речку выкинули. Обиделся и, хотя шампанское допили еще не все, ушел.

Написал об этом заявление директору прииска Тараеву Г.М. Тот говорит Илюхину: «Что ты мне всякую х... пишешь? Пиши в милицию!» А Илюхин, действительно, пошел и

нажаловался на друзей в милицию. Целый месяц разбирались и приятелей мирили (водки при этом выпили не меньше ящика). Сейчас они опять друзья.

Только Илюхин ходит теперь в ботинках.

Как один студент весь посылторг обманул

На участок «Надежный» прииска «Комсомольский» в 1969 году приехал на практику студент из Томска. Участок отдаленный. Кроме работы развлечений никаких. Даже хорошего радиоприемника нет. Срочно нужна «Спидола»! Но на прииске ее не достать. В магазине этот товар не залеживается. После очередной навигации мгновенно расходуется по распределению.

Но студент оказался сообразительный. Где-то в газете прочитал, что жителям колхозов посылторг «Спидолы» высылают в первую очередь. Дай, думает, попробую. Авось, повезет. Пишет письмо в посылторг: «Я такой-то. Живу и работаю на крайнем севере в колхозе «Надежный». Работы много, но во время редких часов отдыха скучно. Прошу прислать «Спидолу».

Через десять дней авиапочтой получает посылку. В ней «Спидола». Народ вокруг даже рты от удивления разинул. И давай все писать запросы в посылторг. Но там народ тоже ушлый оказался – больше никто «Спидолы» не получил.

Ковбой - коммерсант

Летом 1969 года в Певек пришел пароход с коровами и сеном. На прииске решили организовать свою молочную ферму.

Начальником (заведующим скотобазой) назначили Добровольского, имевшего прозвище «Граммфон». Помещение для фермы выделили в бывшем складе взрывчатых материалов, расположенном на расстоянии около одного километра от тульского поселка в сторону первого участка.

Коров и сено Граммфон поехал получать в Певек. Через два дня вернулся, привез несколько штук. Разместил. Принял на работу доярку. Опять в Певек уехал. И так целую неделю мотался туда-сюда, пока всех коров не привез. В конторе не появлялся, трудился не покладая рук.

Через неделю приходит к Кравцу (заместитель директора) и подает акт на списание 12 тонн сена. У Кравца глаза на лоб. Ни слова не говоря, берет он этот акт, рвет на мелкие клочки, швыряет их в корзину и кричит: «Ах, ты, м....., не успел коров привезти, а уже 12 тонн сожрал. Да я тебя,.....».

Граммфон выскакивает из кабинета и бегом на улицу. Сидит на крыльце, чешет лысину и шепчет: «Ах, ты, черт, погорел. Надо было мне попозже придти».

Он, оказывается, эти 12 тонн сена кому-то еще в Певеке «толкнул».

Подумал, подумал и решил, что пока снега нет - травы в тундре хватит, а зимой придется разгрузочные дни делать.

Куда уходил Алитет? (лето 1970 года)

Во время учебы в Новосибирском университете я подружился с ребятами, занимавшимися пещерным туризмом – спелеологией. Зимой 1970 года команда спелеоклубов Новосибирска и Красноярска побывала в самой глубокой пещере Польши – Яскиня Снежна. Летом должен был состояться ответный визит поляков. Меня включили в состав принимающей команды, но вмешалась холера и последовавший за ней карантин на юге Краснодарского края. Экспедицию отменили. Стройотряды уже разъехались, поэтому я улетел на каникулы домой на Чукотку.

Друзей на прииске не было. Кто в армии, кто работает на участках. Вместе с Геннадием Берестовым (учитель физкультуры) и Валерой Беликовым (приятель детства) сходил в поход с ребятами из пионерлагеря. Неделью жили на Пограничном. Ловили в ручье хариуса бреднем, безуспешно стреляли нырков и более успешно зайцев. Вернулись. Опять делать нечего. Скучно.

Наконец отцу дали пару недель отпуска и мы отправились в верховья Паляваама на охоту на снежных баранов. До Промежуточного доехали на вездеходе. Неожданное появление на участке инспектора РГТИ Е.С.Курепина привело местное руководство в шоковое состояние. Но когда оно узнало цель приезда, то с радостью дало команду Гене Кобылкину, одному из хозяев моторок, срочно отвезти нас как можно дальше от поселка в верховья реки, к «поселку водомутов», в окрестностях которого вышеуказанные бараны водились.

Недалеко от «водомутов» в устье ручья стояла будка, в которой останавливались рыбаки. Там мы и поселились. Ловили хариуса на кораблик, пытаясь добыть образец покрупнее.. Ходили в гости к «водомутам», где нас кормили красной икрой, зачерпывая ее из бочки ковшиком. На склоне сопки, где мы безуспешно гонялись за стайкой баранов, нашли патрон от винчестера, изготовленный в 1928 году. Вспомнили про Алитета.

Как-то, сидя около будки, я увидел, что по берегу Паляваама идут два оленя. Так мне показалось. Из-за плотных зарослей ивняка были видны только их спины, качающиеся при ходьбе. Похватав ружья, мы кинулись наперехват, стараясь зайти под ветер и не шуметь. Засаду устроили метрах в 20 от края кустарника на узкой полоске сухой старицы. Гости приближались. Бесшумно взвели курки и, обалдели, увидев, что вместо ожидаемого оленя в промежутке между кустами появился огромных размеров медведь. Через минуту там же промелькнул второй медведь поменьше. Самка.

Еще через пару минут самец почувствовал наш запах. Тревожно поднялся на задние лапы, покрутил головой и рванул вверх по склону. Самка спокойно последовала за ним, тоже пытаясь определить, где этот «русский дух» прячется.

Когда, вернувшись к будке, мы осмотрели, чем заряжены ружья, то оказалось, что только в одном стволе «тулки» 16 калибра была картечь. В остальных трех стволах (два ствола «Зауэра» 12 калибра) была еще более мелкая дробь. Вот бы поохотились!

На следующий день вдоль берега Паляваама замелькали спины уже трех «оленей». От греха подальше мы залезли на крышу будки и с интересом наблюдали в бинокли, как мишки пытались рыбачить на перекате и ловить леммингов на склоне долины.

Через день за нами пришла моторка с Промежуточного. Август кончался. Пора было возвращаться на материк на учебу. Больше я на Чукотке не был.

Истории разные, правдивые и не очень

Из воспоминаний Манякина, в 1952 году работавшего начальником поисковой партии на Нанавааме.

Двое рабочих шли из Певека в партию пешком. Шли несколько дней. В рюкзаках кроме продуктов несли несколько бутылок спирта. В партии их с нетерпением ждали. На перевале между р.Кевеемом и р.Марины Расковой в глухом месте им неожиданно встретился медведь, который быстро шел к ним навстречу. Оружия с собой не было и ребята, побросав рюкзаки, кинулись бежать. Благо до партии оставалось всего километров пять. Отмахали они это расстояние мигом. Их спрашивают, а они только руками в сторону перевала показывают, в себя прийти не могут.

Наконец, когда беглецы отдышались и объяснили, что произошло, группа добровольцев с ружьями отправилась спасать ценный груз. Когда пришли на место встречи с медведем, то увидели, что рюкзаки порваны вдреизг, а мишка около рюкзаков пьяный ползает, и если ему удастся встать, то тут же падает. Уцелели только две или три бутылки, а остальные он или выпил или разбил.

Мнение спасателей разделились. Одни говорили, что похитителя просто необходимо убить. Но другие не дали. Решили посмотреть, что дальше будет. С тех пор медведь постоянно шатался вокруг партии. Видимо спирт понравился. Его не убивали. А когда имелась возможность, то оставляли на его тропе открытую бутылку спирта, а потом потешались над пьяным медведем. Вот так и развлекались почти год, пока партия не вернулась в Певек. Что было потом с этим алкоголиком – неизвестно.

О пользе умения бегать с препятствиями

Из рассказов Манякина.

База геологической партии на сопке Пламенная. Середина 50х годов.

Пекарь пошел печь хлеб. Печка стояла от базы метрах в 200. Подошел к печке. Возится с тестом. Вдруг видит, что к нему идет медведь. Пекарь взял топор, залез на печь. Медведь метрах в 100 остановился. Постоял на задних лапах, огляделся. Потом сделал несколько шагов вперед. Остановился. Потом опять в сторону печки пошел. И при этом смотрит на пекаря. Пекарь спрыгнул с печки, бросил топор. Взял лопату. Опять на печку залез. А медведь потихоньку к печке подбирается. И опять на пекаря смотрит.

Тут пекарь не выдержал и рванул на базу. Летит сломя голову. Метрах в 30 от базы ему показалось, что там еще 3 медведя гуляют. Пекарь свернул в сторону и кинулся в гору. Недалеко от вершины ноги ему отказали, и он упал на землю. Кое-как ползет вверх. Голову поднять боится. Наконец, заполз за бугорок, отдышался. Оглядывается назад, а там никого нет. Смотрит на базу, а там 3 бочки стоят. Спутал!

Поднялся на ноги и снова бегом на базу за ружьем. Добежал до палатки и тут силы его окончательно покинули. Отключился. Когда очнулся и осмотрелся – медведя у печки не было. Ушел, бродяга.

Возвращаются на базу шурфовщики, а пекарь сидит у палатки, обняв ружье, и говорит: «Подумаешь, Куц... Вот я бежал, это да...»

Люди гибнут за металл...

(из воспоминаний В.Полезина)

В 1959 году я жил в одной будке с Гордеевым, Гоцом, Миничевым и «Драглайном» (Леоновым). Участок № 1 на Среднем Ичувееме только организовался. Золото шло хорошее и на нас в районе и области смотрели с восторгом. И многие вольности и шалости прощали. Было нам лет по 20. Работали не за страх, а на совесть, но любили отдохнуть и повеселиться.

В соседней будке, у Олешки, стояло две бочки для браги. В одной он заваривал, а из другой пили. Пили все, кто заходил. Над бочкой висел ковшик. Дверь в будку не закрывалась. С работы – к Олешке. От Олешки домой. Из дома – на работу. Водку видели редко. От Певека 130 км. Дороги нет. Вокруг тундра. Правда, иногда спирт или водку привозили пилоты вертолета, на котором увозили золото.

Ну а там, где золото, должна быть и охрана. Был оперуполномоченный и у нас – Марат Портнягин. Все время торчал в нашей будке. Сходит к Олешке, напьется и спит. Мы у него пистолет вытащим, пойдем в тундру и охотимся на евражек. Постреляем все патроны, а утром с пустой обоймой ему отдаем.

Однажды вечером слышим крик: «Боря дуба дал! Боря дуба дал!» Оказывается, что житель соседней будки Боря П. сгорел от перепоя. Тут Марат пришел в себя и кричит: «Стоп! Прразойдись! Буду протокол снимать!»

Ну, иди, снимай. Ушли в будку к Олешке. Продолжаем выпивать. Долго сидели. Потом вспомнили про Борю. Заходим к нему в будку. Боря на койке, а рядом, сидя за столом, спит Марат. Взяли Борю за ноги и за руки и понесли к вездеходу. Сами пьяные. Идем и шатаемся. Спина у Бори по земле волочится, но как кто-нибудь пошатнется – Боря выпрямляется. Гордеев идет сбоку и говорит: «Вот, падла, и умер вроде давно, а все еще шевелится!».

Каждому свое место

Летом 1960 года «Драглайн» (Леонов) днем «нарезался». Лежит, спит. А вечером ему на работу. Приходит Гордеев с работы, будит «Драглайна», а он едва языком ворочает. Но понимает, что дело не ладно. Будет скандал. Просит Гордеева. «Отработай за меня сейчас, а я завтра за тебя.»

«Ну, черт с тобой, спи!» Пошел Гордеев на вторую смену. А Леонов со спокойной душой снова уснул.

В это время на поселок приехал парторг Геннадий Бекович Кайров. Днем он провел «мероприятие», а обратного транспорта на Каатырь не оказалось. Пришлось ему заночевать. Зашел в будку. Увидел пустую койку Гордеева и лег на нее.

Под утро «Драглайн» проснулся, смотрит на соседнюю койку – там лежит человек. Леонов решил, что это Гордеев. Подскочил к койке. Хватъ спящего за грудки. Трясет его и кричит: «Ах ты, мать твою, семь на восемь! Ты что же меня подвел! Почему на работу не вышел? Ведь обещал!»

Кайров поворачивается и смотрит на Драглайна, а у того глаза на лоб повылазили! Икать начал: «Извините, Геннадий Бекович, я думал, что это Гордеев!»

Животноводы

Олешко начал растить свинью. Привез поросенка, выкармливает. Ухаживает за ним, как за ребенком.

Однажды гости хорошо врезали и обнаружили, что закусить не чем. А есть после 12 часовой смены ой как хотелось. Вася Гоц берет перочинный ножик и говорит: «Пойдем Олешкину свинью резать».

Пошли. Поймали поросенка, благо Олешко на смене был. Гоц начал поросенка колоть. А тот как зауросит. Столько шуму наделали. Ножик маленький, лезвие 5 см. Разве им свинью заколешь?

Трудности семейной жизни

Вася Гоц привез с материка жену Люду. Дали ему комнату. Зажил он новой, семейной жизнью. А привычки остались старые. Тяжко без дружеского застолья. Терпит,

терпит, а потом забежит к кому-нибудь из старых друзей «врезать». Напьется – дома скандал.

Как-то раз забежал к Потаповым. Сел за стол. Выпивает. Доволен, шутит, улыбается. Вдруг звонок. Василий говорит Риме (жена Потапова): «Если меня будут спрашивать, говори, что меня здесь нет!».

Рима поднимает трубку. Людмила спрашивает: «Моего у Вас нет?», а хозяйка отвечает: «Вася сказал, что его здесь нет!?!». У Гоца аж стакан из руки выпал. «Ну, что же ты наделала! Ну, сейчас мне будет!»

В другой раз Вася забежал «врезать» к Полезину. Малость перебрали. Володя пошел его провожать домой. По дороге Вася видит у помойки пса. Их, бездомных, много развелось на поселке. Подозвал он пса, взял на руки. Полезин говорит ему: «Брось ты эту псину! Зачем она тебе?»

«Как зачем? В подарок Л...люде понесу. Она с..собачек любит!» Взяли. Пошли. Стучат в дверь. Люда выходит и видит двух весьма нетрезвых данайцев с дарами. Вася держит на руках пса и говорит: «Лю..Люда, в-вот сссобачка!» и шлеп на задницу, на пол уселся. Не приняла гордая гречанка дара супруга, и по-русски матом послала его вместе с товарищем на все 4 стороны. И дверь захлопнула.

Пришлось Васе снова идти к Полезину. Ночевать.

«Вышел по нужде»

Осенью у геологов началась кампания по вывозу сезонных партий на базу в Певек. Работу они закончили и в ожидании самолетов отдыхали. В одной партии первым рейсом вывезли оборудование. Второго рейса долго не было. Ребята (5 человек) решили поужинать. Хорошенько «врезали», но закусить не успели, прилетела «Аннушка». Погрузились. Самого «тяжелого» занесли на борт на руках.

По дороге их развезло. Пели песни, веселили пилотов. Наконец показался Певек. Самолет сделал круг и пошел на посадку. В это время спящий проснулся и, видимо, думая, что он в палатке, решил срочно выйти по нужде. Встал. Открыл дверь и на глазах у изумленных поисковиков вышел из самолета.

Через несколько секунд самолет сделал посадку, и все вместе с пилотами кинулись на поиски. Бегут по полосе к тому месту, куда товарищ должен был упасть. А его там нет. Командир ругается. Орет: «Больше я с вами, пьяными мордами, связываться никогда не буду. Ни одного пьяного в самолет не посажу».

Долго искали. Не нашли и поплелись в аэровокзал.

Заходят, смотрят, а он стоит с поцарапанным носом. Что за оказия. Ощупали его – цел и невредим. Спрашивают: «Это ты?» – «Я». «Так, может быть, нам почудилось? Сколько человек садилось? – 5. Сколько вывалилось? – 1. Сколько приземлилось? – 4. Все сходится! Что за чертовщина?!».

После расследования этого ЧП выяснилось:

Все полевики были в болотных сапогах. Когда «десантник вышел на прогулку», то зацепился раструбом голенища за заднее колесо и висел на нем до момента посадки. После первого касания земли самолет подпрыгнул, сапог отцепился и его обладатель упал на полосу, несколько раз перевернулся и, поднявшись на ноги, отправился в аэровокзал, так и не поняв толком, что произошло.

После этого случая в коридоре райграу долго висел самодельный плакат: «Полевик, летай на самолетах только в болотных сапогах».

Антикомарин

Летом 1969 года в поселок из Певека контрабандой доставили пару ящиков зверобоя. Привыкшая к тому, что можно пить все, что горит, братва принялась за ликвидацию вещественных улик нарушения сухого закона.

Один из участников процесса ликвидации, Понедельченко, проснулся утром после сильного запоя и вышел на крыльцо. Тепло, солнышко светит, комары гудят, голова болит... Тяжко. И поправиться уже не чем.

Сел Понедельченко на крыльцо и тяжело вздохнул. Сверху что-то посыпалось. Пригляделся – комары падают замертво. Не поверил. Еще раз глубоко вздохнул и дунул на комариный рой. Снова замертво падают. Так всех и разогнал. Сидит без накомарника, над ним ни одного комара нет. Проходящие мимо удивляются. А Понедельченко сидит, ухмыляется.

Отдых у Марата

Чистяков Владимир Федорович в 1969 году весь промсезон работал в условиях жестокой «засухи» на участке Ватапваам. Промсезон закончился. Отгулов заработал на целый месяц. Поехал на центральный поселок отдохнуть. И...пропал. Приятели не могли его найти целую неделю. Уже решили, что в райцентр подался. Там как раз транспорт с вином пришел. Однако ехать за 150 километров искать «иголку в стоге сена» не пришлось. Пошли к Марату сообщить о пропаже. А он там. Старые кореша закололи чушку и загудели.

После разговора с приятелями Чистяков решил, что он тут сильно задержался и пора ехать домой. Устроили прощальную, после которой в пьяном угаре купил Чистяков у Марата двух поросят и большой шматок сала. Как добирался обратно на участок, он не запомнил.

Рассказывает:

- Просыпаюсь в своей комнате. Оглядываюсь. На полу лежит мешок. В мешке что-то шевелится. Пнул. Захрюкало. Развязываю – там два поросенка и сало!

- Спрашиваю у соседа: «Чье это хозяйство?»

- Так это же Вы, Владимир Федорович, вчера с собой принесли и говорили, что будете заниматься хозяйством!

- Да на кой ... оно мне нужно? Хозяйство!

- !?

Пришлось несостоявшемуся хозяину свинофермы продавать и поросят и сало. Выручил за все содержимое мешка рублей 150. А купил за 300. Отдохнул. И заработать попытался. Но тут уж либо одно, либо другое...

Приходи завтра

1969 год. Осень. Шахта 100. Карьер Быстрый. В будке сидят шахтеры из разных шахт и обедают. Заходит новый человек. Недавно приехал. Ходит по будкам, ищет хорошую бригаду, чтобы поступить в нее на работу. Приехал на север заработать.

Ребята перемигнулись. Ждут, что скажет гость. Вместе со всеми за развитием ситуации наблюдает Запорожцев из шахты 109.

Новенький заводит разговор издали. Аккуратно прощупывает почву. Дескать, кто кем работает? Какие условия труда? Какие заработки?

Запорожцев говорит: «Я тут работаю старшим бурильщиком, а ты что хочешь?»

- Да, вот, хочу на работу устроиться.

- Да это раз плюнуть. Тащи бутылку.

Новенький обрадовался, побежал на поселок. Через несколько минут бежит обратно, тащит бутылку водки.

- Э, да что ты, парень! Разве одной бутылкой обойдешься?! Ты бы хоть еще бутылки две винца прихватил!

Прошлось непонятливому новичку снова в поселок бежать. Принес еще две бутылки вина.

- Ну, вот! Это дело другое, молодец! Приходи завтра.

Выпили, закусили. Поохотали и разошлись по своим шахтам.

А новенький потом целую неделю искал «старшего бурильщика, который хотел его на работу взять».

«Песец-механизатор»

В 1968 году на Ичувееме ребята с осени прикормили песца. Он приходил к будке каждый день и брал еду почти из рук. Его холили и ждали декабря, чтобы поймать и лишить шкурки.

В первый день декабря собираются селекционеры на смену, а песец их уже ждет. Но близко не подходит. Погнались за ним, а он шмыг в лежавшую около будки трубу. И сидит в ней.

Ребята кидают в трубу камни, колотят по ней палками, кричат. Песец не выходит. Бегают внутри.

Наконец, придумали. Подняли и поставили трубу «на попа». Вываливается из трубы совершенно черный песец и давай на ловцов лаять. Ребята вначале от этого «чуда» отпрянули, а потом давай хохотать. Пока они пытались песца из трубы извлечь, он основательно вымазался в саже и мазуте. Стоит черный, страшный и ...никому уже не нужный! Лает на всех.

Махнули ребята на него рукой и пошли на работу. А песец так всю зиму и прожил около будки. Кому он черный нужен?!

Прозвали его «песец-механизатор». Весной он куда-то исчез.

Дружная бригада

Осенью песцы людей не боятся. И до самого начала охотничьего сезона бегают вблизи будок. Роются в помойках.

В начале ноября бригада Аникина на Ичувееме начала проходку новой шахты (на языке горняков «зарезала шахту»). Для отдыха во время смены построили тепляк. Однажды после обеда вышли из тепляка, видят – песец роется в отбросах.

Аникин взял комок снега, бросил в песца. Тот - ноль внимания! Аникин подошел поближе, метров на пять, снова кинул в него снежком. Кричит: «А ну, пошел отсюда к такой-то матери!». А песец не уходит. Оскалился и давай на Аникина лаять.

Ну, тут бригада возмутилась. И дружной атакой прогнала непрошенного гостя.

Через некоторое время на стене тепляка появилась надпись:

«История совсем простая.

Скажу без лишнего словца.

Аникина песец облаял,

Аникин лаял на песца!»

Пожароопасный деликатес

К Рыжкину в артель поступил на работу Данила Петрович Баниас, по мнению поселковых гурманов, большой мастер по выращиванию свиней и изготовлению окороков.

Завели свинью Машку. Все лето артель холила будущее лакомство, кормили, пасли в тундре, мыли с мылом, гладили... Осенью зарезали.

Баниас по всем правилам разделал тушу и, под всеобщие возгласы одобрения, развесил окорока на копчение. Со словами «Ну, вот, завтра будем кушать деликатесы!» пошли спать.

Ночью крик: «Пожар!» Народ выскочил из будок, а сарайчик, где коптились окорока, уже догорает.

Оказалось, что во время процесса сало капало, капало на тлеющие угли – огонь и разгорелся. Так вся Машка вместе с сараем и сгорела. Хорошо еще, что ветра не было. Сарайчик рядом с будкой стоял.

Братва погоревала немного, а потом давай хохотать: «Вот покушали окорочек!».

А Баниас долго и тяжело переживал эту потерю. Очень уж ему хотелось ребятам доказать, что он действительно в этих делах мастер. Народ его жалеет: «Ну, ничего – говорят – на следующий год докажешь!»

«Куда летим?»

Начало июня. Запоздавшие косяки гусей тянутся на север. Отпускники летят на юг. Утром рейс «Апальехино – Москва» (северная трасса) взял курс на запад, погрузив в свой салон очередную команду северян, жаждущих встречи с теплыми южными морями. Последние шесть кресел салона ИЛ-14 занимает группа слегка подвыпивших пассажиров. По разговору понятно, что они с одного прииска.

В Чекурдахе самолет задержался. Непогода. Наконец, поздно вечером, дали добро на вылет. Посадка закончилась, а приисковиков нет. Нашли их в буфете, где они «отдыхали» на полную катушку. Четверо забрались на борт сами, двоих занесли и положили в кресла.

Самолет полетел дальше. Пьяная кампания утомилась и дружно захрапела, забивая своими руладами рев моторов. Через два часа парочка, проспавшая момент своей посадки, проснулась. Оглядывает салон. Все спят. Смотрят в окна. Что-то не так. Наконец, осознав, что именно им не нравится, зовут стюардессу!

- «Мы куда летим?»

- «? В Москву!».

- «А почему солнце справа?»

Встают и отправляются в кабину к летчикам с криками «Командир, поворачивай! Нам в Москву надо!»

В кабине им что-то долго объясняют. Парочка возвращается и недоверчиво смотрит в иллюминаторы. Ну, надо, же! Перепутали ночь и день.

Наконец, осознав свою ошибку, отпускники достают из сумки бутылку коньяка, кусок балыка, кружку и, с возгласами: «За правильный курс, за солнце справа!», пускают эти деликатесы по кругу пассажиров, разбуженных их воплями.

«День рождения»

В одном из ранних стихотворений о северных рыбаках у Е.Евтушенко есть фраза «И на «Игростое донское» глядели с болью и тоскою. И понимали – не возьмет»...

У Ивана Митрофановича Рощина день рождения. Просит у жены 3 бутылки: «Пойду, угощу ребят на работе!» Работает он в столярной мастерской разведучастка, расположенной в тульском поселке.

После долгих уговоров Мария Федоровна с большим сожалением достает три бутылки «Столичной». Заранее запаслась ко дню рождения мужа. Привезла из Певека. Водка марочная, высший сорт! Такая в поселке в большом дефиците.

Ушел Иван на работу, а у Марьи Федоровны на душе тревожно, беспокоится. Тут приходит соседка и рассказывает, что Иван зашел в магазин и сменял три бутылки

«Столичной» на три бутылки «Тучи». Ее в магазине навалом. Сорокаградусная оказывается работников «Не возьмет». Вот пятьдесят шесть – это уже лучше.

«Печатаем»

В 1967 году Виктор Омельченко жил на Промежуточном в общежитии в комнате с парнями, которые любили выпить.

Виктор занимался фотографией. Весь поселок пользовался его услугами, и когда он по вечерам печатал фотографии, то ему старались не мешать. Он закрывался в комнате, ребята ему помогали, и дело у них шло своим чередом. А когда кто-нибудь из коридора стучал в дверь, ему отвечали: «Печатаем!» и посетитель уходил, так как был неписанный закон – Виктору не мешать!

Однажды на участке появилось много водки. Толи кто-то из Певека привез большой запас, толи самогона нагнали. Только началась пьянка. Шульц (начальник участка) бегаёт по поселку, пресекает, борется, шумит. Кое-кого удалось с участка уволить. И как будто все стихло, но все равно пьяные на работе появляются.

Шульц решил выследить. Ходит по комнатам вечером, ночью. Нюхает. Вроде нигде не пьют. А на работе пьяными все равно появляются.

Ну что за черт! Где же этот тайная рюмочная? Опять идет по комнатам – кто читает, кто спит. Все комнаты обойдет – никто не пьет. В комнату Омельченко постучит – «Печатаем!». Все в порядке.

А в ночь на шахту пойдет – опять там пьяные.

Однажды после очередного обхода он вышел на улицу. Подходит к бульдозеру, а там возится Омельченко!? Странно!!! А кто же в комнате печатает? Когда стучал в дверь комнаты Виктора, то ясно ответили: «Печатаем!».

Решил понаблюдать. Спрятался за углом в коридоре и ждет.

Вот видит, идет Омельченко. Подходит к своей комнате. Дернул дверь – закрыто. Стучит. Из-за двери кричат: «Печатаем!».

- «Я вам напечатаю, мать вашу, пять, семь!...».

- «А это ты, Виктор, а мы думали это Шульц! Ну, входи.»

Открывают дверь, а Шульц тут как тут. Заглядывает в комнату, а там братва собралась, человек десять. На столе бутылки, закусь и они все «на газах» - «печатают». Попались субчики!

Вот так был разоблачен источник нарушения сухого закона.

И если Родина прикажет быть героем...

Национальные особенности, роль и проявления которых в организации труда и отдыха золотодобытчиков уже неоднократно была показана нами ранее (см. предыдущие байки), проявлялась и при их награждениях орденами и медалями.

Кажется, в 1967 году, в партком прииска прислали перечень выделенных для Комсомольского орденов и медалей. Перечень начинался с ордена Ленина. Партком свои обязанности знал, и список представленных к наградам составил с учетом всех действовавших в то время негласных, но известных всем, правил (первым в списке должен быть награжденный ранее орденом рабочий и, желательно, чтобы он был членом партии). В список, после долгих раздумий и согласований, под первым номером был включен экскаваторщик К.И. Туманов. Один из первооткрывателей прииска, он уже был ранее награжден орденом «Знак Почета». Поэтому орден Ленина был распределен ему. Остальным награжденным достались менее значимые ордена и медали.

Список нарочным на автомобиле отправили в Певек, где формировался общий для района перечень награжденных. Дальнейший путь документы совершили по воздуху в Магаданский обком партии.

Через некоторое время на прииск звонят из райкома и сообщают, что в обкоме есть предложение представить К.И.Туманова к званию «Герой Социалистического труда». Спрашивают согласия и дают 15 минут на размышление.

В условиях дефицита времени и отсутствия возможности дополнительно предложить кого-либо другого из сотрудников прииска – документы уже отправлены – партком дает согласие. Логика решения проста – если отказаться, то отдадут какому-нибудь другому предприятию, у которого в списке представленных к награждению есть орден Ленина. А так на прииске появится свой Герой!

Так оно и получилось.

А причина, по которой обком партии отдал «Звездочку» на Комсомольский, оказалась простой. Ее выделили в одну из магаданских контор, где процесс дележа наград Родины привел к расколу коллектива на две борющихся группировки и едва не перешел в Мамаево побоище. Чтобы избежать грядущих кадровых потрясений, инфарктов и инсультов, обком принял решение «Чума на оба ваших дома...». И порекомендовал отдать «Звездочку» на одно из передовых предприятий, в списке которого есть орден Ленина. Так обком сэкономил для себя один орден Ленина, сохранил неназванную здесь контору от распада, а «Звездочка» неожиданно досталась Комсомольскому.

Часть коллектива прииска некоторое время выражала свое недоумение и недовольство, но потом все успокоилось. Дело сделано, и ничего уже не изменить. Тем более, что работягой Туманов был неплохим.

У этой истории влияние национальных особенностей привело к счастливому результату. Но были и другие, более загадочные или более трагичные.

В Чаунском райгруппе работал некто Лесин, большой друг Бахуса. Однажды прогулы, вызванные результатами этой дружбы, настолько напрягли его начальников, что был подготовлен проект приказа о его увольнении по 47 статье. И тут, оказывается, что его награждают орденом Ленина! Пришлось с увольнением повременить.

В 1966 году во время очередного награждения сотрудников прииска Комсомольский к ордену Ленина был представлен Емельянов. О том, что он будет награжден, будущий орденосец даже не подозревал. Находился в очередном отпуске. Во время отдыха на воде пренебрег предупреждениями Минздрава и, находясь в состоянии опьянения, утонул. О награде даже не узнал.

Национальные особенности сказывались и во время получения наград. Так главный геолог Омсукчана Дзюба поехал получать орден Ленина в Магадан. Получил. На радостях ушел в запой, из которого, как авиалайнер из плоского штопора, выйти так и не сумел. Нашли мертвым на улице. В газете написали, что трагически погиб.

К вопросу о героях или «догнать и перегнать»

Описания проявлений известной «национальной особенности» жителей нашей страны, сделанные в большинстве опубликованных мной ранее в «Одноклассниках» байек, привели к неожиданному, для меня, результату. Байка «И если Родина прикажет быть Героем...» вызвала появление на форуме вопроса «А кто же тогда простые трудяги, если таковы «Герои»? ».

Конечно, можно было отшутиться, процитировав известную строку из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет...». Однако, позволю себе пересказать один случай, подробности которого я узнал от отца.

В 1967 году комиссия в составе П.И.Гордеева (администрация прииска), Г.К.Таболова (профком) и Е.С.Курепина (инспектор РГТИ) проверяла соблюдение правил техники безопасности на участке «Промежуточный». Особенных нарушений они не обнаружили. Но без находки не уехали. Начальник участка Шульц (см. байку «Печатаем») похвастался, что у него есть очень хороший работник - дизелист В. Омельченко, который, кроме разнообразных талантов, обладает редким для северян даром – не пьет.

Комиссия тут же встретила с «очень хорошим работником» и, не смотря на сопротивление Щульца, понявшего причину появления поговорки «Язык мой – враг мой», а также ропот приятелей Виктора, переманила Омельченко на центральный поселок прииска.

Таболов, которому наличие таких кадров на Комсомольском было необходимо, чтобы расширять активность работы профсоюза, выделил Виктору место в общежитии, а администрация определила его на работу в бригаду бульдозеристов, занимавшихся вскрышей торфов на третьем участке.

Через некоторое время бригада вышла на передовые места по показателям выполнения плана. В течение всего промсезона их суточная выработка была не ниже 110%. Официально результаты работы бригады представлялись профсоюзом как «осуществляемая под руководством партийной организации прииска инициатива коллектива по повышению производительности труда за счет использования внутренних резервов, уменьшения потерь времени на перерывах и пересменках, реализации оптимальных режимов работы техники и т.д., и т.п...».

В действительности же причиной высокой производительности была негласная договоренность, которую члены бригады называли «Догнать и перегнать директора!».

В то время на прииске существовало несколько тарифных сеток оплаты труда. Зарплата рабочих на полигонах определялась по достигнутой выработке (сдельная форма), а сотрудники администрации, ИТР, рабочие вспомогательных цехов (например, в электроцехе) получали фиксированные оклады (повременка). Самый высокий оклад был у директора прииска – 1000 рублей. Усердно работая на сдельщине можно было получить больше. Вот бригада и поставила себе задачу обогнать директора по уровню зарплаты. И обогнала!

В результате в конце промсезона прииск получил солидную прибавку в объемах переработки горной массы, а члены бригады, правильно сформулировавшие для себя цель соцсоревнования, солидную прибавку в зарботке.

Позже, в начале 80-х годов Виктор Омельченко за высокие производственные показатели был награжден орденом Трудового Красного знамени. Кстати, в это же время вторым на прииске Героем Социалистического труда стал Михаил Лисецкий, драгер первой в мире драги, работавшей в условиях вечной мерзлоты.

Разговор на производственную тему

На районном партсобрании встречаются начальник 22 Чукотского ВГСО Комиссаров и начальник шахты прииска Труба. Труба шепотом говорит на ухо Комиссарову: «Бери два самоспасателя, у меня горит ствол шахты. Пойдем, затушим!»

Копия письма Б.Караулова

(в 1969 году вышел приказ о переводе Б.Караулова под начало к главному геологу Артееву)

« С приказом ознакомился.

Считаю это явление вопиющей несправедливостью и издевательством над человеком. А, поэтому, отстаивая свое человеческое достоинство, если через 24 часа этот приказ не будет отменен, я объявляю голодовку. Для этого у меня есть очень много причин, которые указывают на прямое преследование и гонения меня со стороны администрации прииска и, особенно, со стороны главного геолога Артеева.

О своем решении я вынужден довести до сведения отдела «Права человека» Организации Объединенных Наций и просить помощи, защитить мое человеческое достоинство.

Я умру, но в подчинение к Артееву не пойду.

P.S. Судя потому, что в 1969 году похорон Караулова не было, вопрос был решен. Подробности не известны.

Истории о Боре Маслове.

В ЦРГО работал Боря Маслов, известный в поселке хохмач и выпивоха. Несколько эпизодов.

«Посылка Хрущеву»

После того, как Н.С.Хрущева сняли, Боря купил целый ящик консервированной кукурузы и пришел на почту. Просит: «Зашейте». Посылку зашили, говорят: «Пишите адрес». Боря пишет: «Москва, Хрущеву».

Почтовые работники напугались, посылку не приняли и выгнали Борю на улицу.

Идет он домой и рассуждает: «Вот, как был правителем, так ему все... дорогой Никита Сергеевич! ..., а как сняли, так для безработного даже еды прислать не дают!

Ну ладно, понесу домой. Куры съедят».

«Николай Андреевич, попробуй!»

Как-то заметили, что к концу смены в медницкой ЦРГО все оказываются пьяными. Значит, пьют на смене. Решили поймать.

Боря каким-то образом узнал об этом. На завтра приносит на работу бутылку с водой и ставит в сейф с инструментом. Тут появляются Лаба с мастером и сразу в сейф. Ага, бутылка! Попробовали – вода. Ушли. Боря смеется. На завтра такая же история. И так несколько раз.

Наконец Боря приносит в бутылке водку. Завет Лабу: «Николай Андреевич, попробуй!» Лаба на него матом...

«Ну, раз не хотите, я сам выпью!» «Ну, и пей...»

Боря наливает. Пьет. Еще наливает и пьет. Ну и сразу опьянел. Начальство спохватилось, да поздно. Ругают Борю, а он говорит: «Так, Вы же сами мне разрешили. Я при Вас и пил».

«Новая мода»

Приехал Боря из отпуска. Объявляет всем: «Я новую моду привез, завтра покажу». Взял брюки, нагладил их в плиссировку, поперек. Взял балалайку и пошел по поселку в гости. Встречные говорят: «Боря, куры засмеют!», а ему в радость: «На Комсомольском кур нет, а мои куры ученые!».

«Поминки»

Борина жена Миля не дает ему пить, ругается. Приходится что-то придумывать, чтобы обмануть.

Тут подходит срок поминать Курьянчика. Боря просит разрешения у Мили. Она разрешает, но только, чтобы пили дома и не долго. Договариваются. Как свечка сгорит, так все. Край!

Приходят с Глазуновым, приносят свечку длиной в метр и диаметром сантиметров 10. А ниточка в свечке тонкая.

Миля, как увидела эту свечку – глаза на лоб! Ничего не сказала, плюнула, махнула рукой и ушла жить к соседке. А поминальщики целую неделю «гудели», пока свечка не сгорела. Договор дороже денег!!!

О роли почты в сплочении коллектива...(или история об обычном подхалиме)

Работавший на Быстром горный мастер Н. уехал в отпуск.

Ближе к концу отпуска один из его друзей получает письмо. Пишет ему Н., что отдых идет хорошо, погода хорошая, скоро возвращаться буду. А в конце письма, между прочим, спрашивает: «А это черта, Новикова еще не сняли с начальника участка?»

Друг ему отвечает, что нет, не сняли. Наоборот, хвалят его.

Через некоторое время Новиков получает от Н. посылку с коньяком, орешками и прочими материковыми деликатесами.

Через некоторое время появляется и сам Н.

«О пользе хорошего чая»

Начальник участка «Быстрый» Новиков Н.Ф. сидит в своем вагончике на Дорожном и пьет чай. Новиков старый северянин. Для него чай не просто напиток для утоления жажды. Утренний чай для старого северянина – это ритуал, такой же важный, как у японских сенсеев чайная церемония, только без гейш.

Вдруг распахивается дверь и в ней возникает фигура пьяного незнакомца, который, чтобы не упасть, держится руками за косяки. Дальше не проходит. Стоит в дверях, разглядывая содержимое вагончика.

«Кто Вы такой и что Вам нужно?» спрашивает Новиков, прервав свой чайный ритуал!

- «Я инженер-геолог Бакланов, горный мастер разведучастка! А ты, сука, кто!»

Новиков молча встает, подходит к незваному гостю и бьет его в грудь. Гость кубарем вываливается из вагончика. Дверь захлопывается. Новиков садится за стол и продолжает внезапно прерванное чаепитие.

Проходит минут 20. Дверь снова открывается и в ней появляется тот же Бакланов, но значительно протрезвевший.

-«Мне сказали, что Вы – Новиков?»

- «Да, я Новиков».

- «Мне нужно на Кривун попасть. Помогите, пожалуйста!»

-«Вот это деловой разговор.»

Посадил его Новиков в трактор и отправил на Кривун.

Еще раз о чае

В мехцехе на Нановаае работал водитель по прозвищу «Бич». Как то он вернулся из отпуска и привез с собой большой китайский термос. Весь разрисованный цветами: розами и хризантемами. Термос хороший. Колба стеклянная объемом больше литра и температуру хорошо держит. Начал он им пользоваться. Чай на работу носить.

В мехцехе было принято, что «тормозок» с обедом все приносили с собой. Складывали продукты на полку в красном уголке, а во время обеда собирались вместе и всей бригадой эти продукты съедали. Запивали обед чаем из термоса и Бича похваливали. Дескать, молодец, не все отпускные прогулял, полезную вещь с материка привез.

Но вот как-то к обеду чая в термосе оказалось мало. Выпил его кто-то, обеда не дождавшись. Так повторялось несколько раз. «Ну, - говорит Бич, - я вам устрою чаепитие в Мытищах!»

Насыпал в термос аммонита, налил чая покрепче и поставил в красном уголке на самое видное место. Приятелей предупредил. Те до обеда почти не работали – следили, кто же первым в туалет побежит.

Ждать пришлось не долго. Под побочное действие аммонита попало два слесаря, прикомандированных с центрального поселка для срочного ремонта двигателей. Они каждые десять-пятнадцать минут на улицу выбегают, а братва хохочет.

На следующий день термос уже никто не трогал, и чая из него, как обычно, хватило всей бригаде. За обедом Бич, разливая душистый напиток в стаканы своих друзей, вспомнил старую поговорку: «Чай не пьешь – какая сила? Чай попил – совсем ослаб!»

Месть Бича

Зимой 1974 года группа рыбаков, человек 6, отправилась на подледный лов на речку Пегтымель. После плотного ужина начались рассказы, шутки, розыгрыши. Заметив, что выходящие из будки за надобностью берут куски пакли, Вася Пошедин незаметно насыпал на паклю перца с солью. Первым на эту злую шутку попался Бич. Перетерпев боль и не подав виду, что он «в теме», Бич решил отомстить.

Следующей жертвой оказался Петя Сидоров. Терпеть Петя не стал. Бегал с воплями около будки. Ругался, матеря весело ржущую в будке братию, и проклиная их ближних и дальних, до седьмого колена, родственников. Садился пятой точкой в снег...

Приглядевшись к реакции окружающих, Бич догадался, чья это была шутка.

Весь вечер он молчал, думая, как отомстить. Придумал. Достал нож. Взял картечь, сидит, делает на дробинах глубокие надрезы. «Ты что делаешь?» - спрашивают. - «Мормышки.» Угомонились. Легли спать. Один Бич не ложится, ждет, когда Пошедин заснет. Наконец тот захрапел. Бич взял плоскогубцы и всю, подготовленную для «мормышек» дробь, прижал на волоски бороды шутника. А борода у Васи была густая и красивая...

Утром Бич проснулся раньше всех. Разбудил ребят и рассказал, что сейчас произойдет. Потом будит Пошедина: «Вставай, чай пить будем!». Вася поднялся и первым делом начал бороду расчесывать. На первой же дробине расческу сломал и взвыл от боли. Пришлось каждую картечину вырезать под громкий хохот братвы.

«День борьбы с засухой»

Жители Комсомольского, возвращающиеся из деловых поездок в Магадан, везли с собой подарки. Обычно это были потрошенные куры, упаковки куриных яиц и знаменитое магаданское пиво. Пиво упаковывали в 20 литровые канистры.

Приехал из Магадана Глущенко. Привез две канистры пива. Днем пришли лучшие друзья – Новиков и Карабан. Закрылись в квартире и, вдвоем, принялись за оценку качества подарка. Чтобы не испортить возникающих во время дегустации ощущений, пили не закусывая. Сидели до позднего вечера, но все же немного не допили. В одной канистре осталось.

Решив, что Глущенко должен еще других друзей угостить, гости выбрались из-за стола, и пошли домой, обнявшись, и распевая «Хотят ли русские войны...».

Утром Глущенко пошел на работу на дальний прибор. Там плохо шел монтаж. А ключ от квартиры, обычно лежавший под ковриком у порога, спрятал в другое место, чтобы во время его отсутствия никто пиво не допил.

Часов в 12 дня смотрит - по дороге пылит машина. Подъезжают Новиков и Карабан, лица опухшие, глаза красные:

- Паша, садись, Тараев на совещание вызывает!

Глущенко садится. Едут. Подъезжают к дому и спрашивают:

- Ты куда ключ задевал?

- А где же Тараев?

- Да нету его. Это у нас в горле пересохло, а ключ не нашли. Вот мы за тобой и поехали.

Пришлось Глущенко отрывать дверь. Допили и успокоились.

«Чай с березкой»

Николай Сергеевич Левин зимой 1965 года возил на вездеходе стройматериалы на участок Промежуточный. Летом дороги туда еще не было. Зимой дорога шла по зимнику вдоль ЛЭП до р.Паляваам, а там по берегу до Промежуточного. Рыболовов и охотников на прииске много, поэтому недостатка в грузчиках никогда не было. Дорога проходит по охотничьим местам. Быстро разгружались и на обратной дороге на день или на сутки задерживались на Палявааме. Кто охотится, кто рыбу ловит, а вечером уха, костер. Всю ночь разговоры и побасенки.

Однажды, после доброй ухи и такой же выпивки Николаю Сергеевичу не хватило чая. Просит он, чтоб вскипятить еще. Виктор Ульяныч взял чайник. Отошел немного в сторону от костра и под кустом березки набрал снега. В темноте не видно чистый снег или нет.

Вскипятить. Левин чай пьет и нахваливает: «Очень вкусный в тундре чай! И березкой пахнет! Такого чая дома не выпьешь.» Участники застолья его поддерживают: «В тундре чай – что надо!».

Утром Николай Сергеевич проснулся. Хочет пить. Просит Ульяныча, что дал ему чайку вчерашнего, хорошего. Ульяныч подает ему чайник с остатками чая. Левин пьет жадно из носика. Потом заглядывает внутрь чайника, всматривается, берет ложку и вынимает из эфилей четыре больших распаренных заячьих шарика.

Так вот почему пахло березкой!!! Зайцы березку любят!

Вкус сушеной рыбы

Рассказ Валерия Амуничинова

Эту историю рассказывала моя мама, своей подруге, а я, разумеется, подслушивал, хотя сказали - подглядывать.

Ну, так вот, однажды после тяжелого рабочего дня, честные труженики строй цеха, среди них мой отец, решили принять на грудь, дабы стресс не разрушил нервную систему. Каждый рабочий день, тем более в строй цехе - это уже стресс. Ну, так вот... по сколько они приняли, я не знаю, но думаю, что много, так как один из них, выйдя на улицу по нужде, тут же нарвал коры с бревен и, вернувшись, начал угощать "сушеной рыбой". Народ стал пробовать и нахваливать, что рыбка малосольная, практически совсем не соленая. Щедрый "хозяин" гостинца, замахнув очередную стопку, присоединился к закуске.

На следующей день, придя на работу, парни нашли в сейфе припрятанные остатки вечернего лакомства, аккуратно завернутые в газетку, и, осознав, что произошло, дружно грянули хохотом. Наверно от них потом тоже березкой пахло.

16.06.2009 14:06

"С Вашего позволения..."

Рассказ Алексея Загоркова

История рассказана в общежитии пос. Промежуточный.

Спиртное в посёлке выдавалось строго по лимиту, по субботам, соответственно и снятие стрессов, и все разборки типа "Ты меня уважаешь...", и все смешные истории происходили в основном по субботам.

В один из таких дней в комнате у Пети Головки собралась шумная компания односельчан. Ребята, изрядно выпив, сидели, как всегда обсуждая производственные вопросы, и продолжали выпивать, по закону Севера, каждый наливает сам себе. В этот момент открывается дверь и со словами - "С Вашего позволения..." вваливается ещё один пьяный односельчанин. Присев на кровать возле Петиной тумбочки, и всё с теми же словами - "С Вашего позволения...", наливает себе пол стакана водки, выпив водку одним

махом, закусывает ложкой красной икры- " Хорошая, малосольная, только чёт мылом отдаёт", после этих слов все мужики покатались со смеху.

Должен сказать, что Петя Головкин, был мастером по выделке шкур и изготовлению чучел птиц и животных, и на тумбочке у него стояло натертое на тёрке для этих целей красное мыло.

16.06.2009 22:47

Истории про А.А. Илюхина

Одна, но пламенная страсть...

У Илюхина две страсти: рыбалка и выпивка. Причем не совсем ясно, какая сильнее. Но скорее первая, так как во время рыбалки и выпить можно. Поэтому трезвым на рыбалку он никогда не ездил. Только выехали за поселок и начинается: «По 5 грамм!!!». И так - до самого Палявааама.

Летом дорога по тундре плохая. По кочкам будку так трясет, что спасу никакого нет! Будка дергается. Люди в будке и трезвые с ног свалиться могут, а пьяные и подавно.

Вот лежит пьяный Илюхин на нарах, а будка пляшет по кочкам камаринскую. В одном месте будка так пошла в присядку, что Илюхин свалился с нар на пол, закричал, заохал... . Подняли его за руки и за ноги, забросили обратно на нары. Лежит он на нарах. Охает: «Ой, бок! Ой, больно! Дайте выпить!» Ему дадут. Он сморщится, кое-как выпьет и забудется. И так все два дня, пока ребята рыбачили и обратно возвращались, Илюхин охал, да выпивал по 5 граммов.

Приехали домой. Пошел он в больницу. Хирург Лева посмотрел - перелом двух ребер! Положили Илюхина в больницу.

Пролежал положенные 20 дней. Выписали. Идет домой по площади, а навстречу ему Потапов: «О, дружище, ты где пропадаешь? Давно тебя не видел!» И обнял его. А ребра опять хруп! Илюхин: «Ох, ох...» и опять в больницу. Опять двадцать дней там провалялся.

Русская смекалка

Илюхина с женой пригласили на торжественный ужин в «Золотинку». Жена Зоха (так ее называет Илюхин) собралась в парикмахерскую сделать прическу. Но если Илюхина оставить одного, то он обязательно напьется. А какой интерес с пьяным мужиком идти на вечер?

Думала, Зоха, думала, и придумала! Замкнула мужа в комнате, а ключ взяла с собой. Сидит Илюхин на диване, скучает.

Заходят в квартиру Потапов с Дмитриевым. Стучатся к Илюхину.

- «Кто там?»
- «Открывай, это мы!»
- «Не могу, Зоха дверь на замок закрыла, ушла и ключ с собой забрала!!!
- «А мы тебе выпить принесли!»
- «Так давайте, скорее...»
- «А как?»

Думали, думали... Придумали. Взяли кусок провода в полихлорвиниловой изоляции. Проволоку выдернули. Получилась трубочка, как для коктейля. Один конец получившегося кембрика просунули в замочную скважину, а второй в бутылку...

Когда Илюхин принял свою дозу, друзья зашли на кухню, допили остаток. Закусили. И ушли.

Приходит Зоха домой, дверь открывает – а мужик ее уже «хороший», лежит на диване и песню поет: «Ду-ду-ду-ду...»

Некоторые особенности организации массовых взрывов

Март 1969 года. На Нанавааме готовят котлованы для промприборов. Намечено сделать три массовых взрыва. Может так совпало, а может быть и в качестве поощрения за успехи участка в работе накануне взрывов в магазин завезли водку.

Начальник участка П.Глущенко собрал на полигоне все трудоспособное население поселка и объявил: «Пока все три взрыва не сделаем, магазин не откроем!»

С тем и начали. Во время первого взрыва на рабочих местах были все. В промежутке между первым и вторым взрывами несколько человек свои рабочие места сменило на очередь у поселкового магазина. А после второго недосчитались уже примерно половины участников мероприятия. Толпятся возле магазина, волнуются: «А вдруг мне не достанется, может же на всех не хватить!!!» Переругиваются: «Хоть бы по одной бутылке досталось!».

Продавец, Тася, ждет когда ей скажут, что можно продавать. Напряжение нарастает, толпа у магазина волнуется, терпение лопается. Кто-то из вновь прибывших кричит: «Третьего взрыва не будет! Давай, открывай!»

Третьего взрыва долго нет. На полигоне Глущенко материт помощников: «Где, народ? Заряжать, ... не кому! А оцепление уже давно ... все сбежало!»

Новоселов смекнул в чем дело и тоже подался в поселок. Пришел. Видит, что Тася уже магазин открыла, поверила, что третьего взрыва не будет. Кричит: «Стой, Тася! Глущенко приказал всем идти на зарядку. Третий взрыв будет!» Тася, конечно, подготовку к торговле прекратила, а на Новоселова посыпалось: «Да откуда, ты, ..., взялся! И какой ... тебя принес! Уже уговорили, а ты все испортил! Ах ты, мать твою...!».

Но слово сказано и дело делать нужно. Пошли беглецы на полигон.

Когда все разошлись, Новоселов говорит:

«Тася, я ж тебе по честному сказал, дай за это бутылку!»

Пришлось Тасе продать ему водки.

После третьего взрыва водку быстро распродали. По бутылке в руки. Новоселов и тут успел. А вечером в общежитии хохочет: «Ловко я всех обвел! Две бутылки отхватил!!!»

Хорошо отдохнул

Володя Ширшов поехал в отпуск вместе с женой. Живут в городе Гатчина неделю, вторую... Скучно Володе. Деньги у жены. Отдохнуть не дает. Даст 5 рублей на бутылку и все. А что такое одна бутылка? Слону дробинка.

Но вот однажды дает ему жена 200 рублей и посылает за покупками в Ленинград. Список заказов, как в песне у Высоцкого, «...на восемь листов...». Поехал Володя, не веря, что дали ему, наконец, свободу!

В Ленинграде, прямо с вокзала дает телеграммы Новикову, Гордееву и Ахметшину. Так называемый «SOS до востребования – Ленинград». Ему высылают 300 рублей, 100 рублей, 150 рублей. Порядок! Ура! Есть на что отдохнуть!

Гулял полмесяца. От души. Жажду утолил на все сто процентов, по списку купил все и еще 30 рублей осталось. Вернулся в Гатчину. Отдает вещи и сдачу жене. А она рада, улыбается: «Вот, молодец, какой! И купил все, и полмесяца прожил, и еще 30 рублей назад привез!».

«Мисюра»

В начале зимы 1962 года меня, в связи с подозрением на силикоз, вывели из подземных работ рудника «Валькумей» и направили на недавно открытый прииск «Комсомольский» горным мастером участка №1. Россыпь Ичувеевской долины усиленно

разрабатывалась уже четыре года. Слава о прииске разнеслась на всю страну. Его сравнивали с Клондайком.

Уже к 1962 году возникла потребность разделить россыпь на три участка. Первый участок, расположенный в 10 км от центрального поселка, разрабатывал верховья реки «Средний Ичувеем». Участок так и назывался «Средний Ичувеем». Состоял он из нескольких оборудованных двухъярусными нарами жилых балков-будок на четырех человек. Все они были пронумерованы, что создавало видимость улицы. Жили в них молодые парни-холостяки. Семейные имели комнаты в коммунальных трехкомнатных квартирах на центральном поселке, где быстрыми темпами шло жилищное строительство.

На работу жителей центрального поселка доставляли на автофургонах. Если случалась пурга, то фургон сопровождал трактор. Часто пурга переходила в буран. В таком случае фургон из Комсомольского не выпускали. Иногда это длилось по 3-4 дня. Дни считались пурговыми, а рабочим за эти дни платили 75% от повременной оплаты. Рабочие на участке шутили: «Подул родной – продлил выходной» и занимались кто чем хотел. Читали книги, писали письма, пели под гитару и, в основном, расслаблялись самогонкой.

В будке № 1 жили четыре горных мастера: Соболев, Полезин, Некрасов, Мисюрьев. На столе, заставленном консервными банками, обязательно стояла бутылка. Каждый желающий сам наливал себе порцию, закусывал, пил чай и уходил по своим делам. Это называлось «жигнул».

Однажды сильная пурга застала меня на участке. Начальник участка Гордеев П.И. людей на Комсомольский не выпустил. Их разместили в столовой и в будках. Меня пригласили в будку мастеров. Здесь я и познакомился с Мисюрьевым.

Встретил меня Коля Некрасов: «О, Сергеевич, давно тебя ждем. Нам начальник сказал, что ты у нас ночевать будешь. Садись, «жигни»!». А это, он показал на товарища, Мисюра. Он вчера приехал из отпуска. Спать будешь на его месте, а он пойдет к друзьям. У них там будет долгий разговор о том, что, кто, где, когда и почему...».

Мы познакомились. Звали его Геннадий Алексеевич, а Мисюра - кликуха. На севере все имели вторые имена, которые давались народом. Так легче запоминалось и, при общении, всегда упоминалась только кликуха.

Так Некрасова звали Коля Маленький. Рост 2 метра. Ладонь 30 сантиметров. И в длину и в ширину. Некрасовых на прииске было несколько. И если в разговоре было непонятно, о ком идет речь, скажут: Коля Маленький - и все становится ясно.

Мисюрьев мне сразу понравился. Открытое приветливое лицо. Улыбаясь, он подтвердил сказанное Колей и ушел проводить друзей, предварительно «жигнув». По лицу было видно, что уже не в первый раз.

Я, конечно, тоже «жигнул», чтобы не обижать гостеприимных хозяев. Поужинал, напился крепкого чаю «со слоном» и завалился спать не раздеваясь. А утром произошел курьезный случай - шапка примерзла к стенке! Оторвал я ее, только применив силу. Половина шапки осталась на стенке. Пришлось покупать новую. Это событие не осталось без внимания общественности. Вскоре в репертуаре хора художественной самодеятельности появилась песня, в которой не совсем складно, повествовалось:

«Нас ночь полярная давила,
Южак безжалостный хлестал,
И примороженные шапки,
Мы отдирали по утрам.
Но как бы трудно не бывало
Мы верили своей мечте,
На Ичувеемской долине,
В семидесятой широте...».

Но, возвратимся на участок.

Монтаж промприборов велся всю зиму. В центре участка и в истоках реки намечалось смонтировать 5 приборов и пройти канаву. Поэтому основные силы были направлены туда. В полутора километрах ниже поселка намечалось смонтировать еще один промприбор, №31. Бригадир там был опытный, поэтому меня, как новичка, «вышедшего из подземки», направили туда горным мастером. Чтобы ознакомился и с монтажом и с работой агрегата. К лету 1962 года прибор был готов. Я вошел в курс дела. С появлением воды прибор заработал. Остальные приборы тоже не подвели. Участок пришел в движение.

После объявления о начале промсезона на каждом приборе организовали отдельные бригады. Установили рабочий график: 11 часов через 24 часа с часовым перерывом на обед. Тундра оттаяла. Заработали бульдозеры на подаче песков и на вскрыше торфов. Однако с 31 прибором возникла проблема. Находился он в отдалении от основных объектов. А согласно правилам технической эксплуатации сменный надзор должен был быть непрерывным, круглосуточным.

Для экономии штатов горнадзора осуществлять эту функцию предложили мне одному: « У нас такие случаи были и раньше, и все было в порядке!». Для меня такое предложение было неприемлемым. Я вежливо отказался, мотивируя это нарушением ПТЭ, трудовым кодексом и опытом многолетней работы на рудниках Бaleyзолото и Валькумея.

Главному инженеру Лебедеву Н.Ф. это не понравилось: «Какой-то новичок, нам, корифеям, будет указывать!». В результате Гордееву дали указание направить Е.С.Курепина на центральную группу приборов, работать по графику, а на 31 прибор отправить Мисюру: «Дайте ему будку, пусть живет там. Назовите его – старший мастер южного объекта».

Надо сказать, что начальство относилось к Геннадию по-товарищески снисходительно. Они вместе были участниками первого молодежного десанта, прибывшего в 1958 году для разработки Ичувеемской россыпи и постройки прииска Комсомольский.

Промсезон прошел нормально. План по золоту перевыполнили. Пришли поздравления из Певека, Магадана. А вскоре подоспели и награды ветеранам прииска.

А что же Мисюра? Он в список награжденных не попал. Как всегда, в начале нового дела, он проявил большой энтузиазм. Следил за работой, помогал, добывал запчасти, не допускал простоев. Но долго так выдержать был не в силе. Начал «жигать». По пьянке поругался с бригадиром – не поделили кто главнее.

«Я старший горный мастер, - говорил он, - а ты бригадир. Должен меня уважать и подчиняться!». Бригадир набил ему морду. Пришлось двое суток отлеживаться в будке.

Начальство терпело его выходки до конца промсезона. Потом сняли с должности и направили рабочим на демонтаж промприборов.

Зимой спрашиваю у него: «За что понизили тебя?»

Отвечает: «Сам не понимаю. Как выпью, так хочется командовать. Видимо привычка с армии осталась. Ну, ничего, это временно. До промсезона, а там опять повысят! Не в первый раз! Нам не привыкать, ха-ха!»

Второй раз мы встретились с ним, когда я уже работал участковым инспектором Певекской РайГТИ.

Комиссия, состоящая из главных специалистов, перед промсезоном проводила обследование ТБ на всех участках на предмет допуска оборудования в эксплуатацию. За два года на прииске прибавилось несколько отдаленных перспективных участков. Туда и были направлены начальниками те, кто работал горными мастерами на первом участке. Вместе с ростом прииска росли и люди. Только Мисюрьев никак не мог получить должность выше горного мастера.

Начальник участка «Промежуточный», Астафьев Василий, с которым мы вместе работали на первом участке, рассказал: «Геннадий Алексеевич работает здесь горным

мастером. Пытались сделать его начальником – он сразу начал «поддавать». Дела шли плохо. Директор прииска Тараев Г.М., посетивший участок, снял его с должности. На его место назначили меня. Теперь навестываем упущенное. Да вон он, в красной рубахе, на промприборе «шустрит»»

Мисюрьев спустился на землю и, приветствуя нас, отрапортовал: «Промприбор готов. Можете принимать!».

После подписания акта пошли разговоры на разные темы. Вспоминали, как работали на первом участке, кто из знакомых и где теперь работает и т.д.

Спрашиваю Геннадия: «Ты почему в красной рубахе?»

- А это мой спасательный жилет: если в тундре упаду – найдут. Красный цвет в тундре далеко виден, ха-ха.

- А, что, уже было?

- Да, и не раз. Спасибо работягам.»

Чувствовалось, что он и сейчас где-то «жигнул».

На другом приборе встретил Колю Маленького, который рассказал много интересного:

«Зимой Мисюра исполнял обязанности начальника «Промежуточного». Жили с ним в бараке в одной комнате. Водили общий хлеб-соль. Дверь из барака открывалась внутрь коридора. Так положено на случай непогоды. В пургу дверь засыпало снаружи снегом. Если бы она открывалась наружу, то открыть ее, из-за сугроба, было бы невозможно. А так, обнаружив за дверью сугроб, берешь лопату, прокапываешь лаз и ты на свободе!»

Мужики, жившие в бараке, ночь выбегали на крыльцо и, не сходя с него, справляли малую нужду. Так делали все. Зимой около входа вырастали «сардеровые сталагмиты». Их периодически, по указанию начальника, убирали.

Дверь после этих ночных мероприятий часто оставалась открытой. Во время ветра дверь приоткрывалась. В барак проникал холод. В результате все мерзли, но как-то укрепить дверь всем было лень. Наконец одному из жильцов надоело терпеть неудобства. Он привез тугую пружину и прибил ее к двери.

А тут Мисюра, как всегда «поддатый», пошел ночью по нужде. Открыл рывком дверь, вышел на крыльцо и начал «подготовку». Но получил удар дверью по задку и упал носом в сугроб. После этого, с испугу, начал орать и материться: «Кто повесил пружину без моего разрешения?! Выгоню! Всех повыгоняю!».

Начал бегать по комнатам, выяснять кто виновник его конфуза. Коля догнал его. Схватил за «шкурку». Притащил в комнату, загнал под нары и задвинул выход тумбочкой: «Лежи, успокойся!».

Через несколько минут, пришедший в нормальное состояние Мисюра, взмолился: «Коля,пусти. Так и быть, никого выгонять не буду.»

Вот ведь какой характер. Когда трезвый – нормальный, добрый и покладистый человек. А как выпил, так кричит на всех. Что-то доказывает, требует, хочет показать, что он здесь главный. Везде ему мерещатся недостатки: «Выгоню! Уволю! – только и слышали от него рабочие. Авторитета он у них не имел. Одним словом – «Мисюра».

По образованию Геннадий был горным техником. Имел право на повышение. Но как повысят, так начинает «поддавать». Его опять понижают в горные мастера. Так и не выбился в начальники. Водка мешала.

А, в сущности, хороший мужик. Добрый, работающий. На центральном поселке в квартире жила его жена. Интеллигентная женщина. Работала учительницей в школе. Раз в квартал Мисюра приезжал домой погостить. И опять на отдаленный участок. Там «жигать» свободнее.

За пьянку сняли и с должности горного мастера. Перевели в рабочие. Окончил курсы взрывников. Получил «права» - единую книжку взрывника. Работал некоторое

время взрывником на участке «Дорожный». При производстве взрывных работ погиб. Был пьяный. На том и «успокоился бедный стрелок».

А жаль!

Однажды осенью...

Однажды осенью, главный инженер прииска Домбровский пригласил меня и Петра Иосифовича Гордеева съездить на охоту в долину реки Млелювеем. Накануне, приехавшие из Певека знакомые, рассказали ему, что перед Журавлиным перевалом, на болотах видели гусей, которые сбиваются в стаи, готовясь к отлету на юг. Приглашение было принято с удовольствием.

Ранним воскресным утром газик Домбровского уже был на пути к Журавлиному. Дорога, по чукотским меркам, была хорошей. Водитель, сделавший перед поездкой машине полную профилактику, гарантировал безаварийную поездку. Уже через два часа мы были на месте. Машину оставили на пригорке, чтобы служила ориентиром, и отправились на добычу.

Но, не тут-то было! Долина словно вымерла. Ни гусей, ни уток. Даже кулики куда-то улетели. Только издали, со стороны устья Млелювеема, доносились редкие крики журавлей.

Пробродив часа три, я понял, что искать больше нечего, и повернул обратно к машине. То, что кто-то вчера видел здесь гусей, решил я – это чистой воды розыгрыш, на который клюнули доверчивые энтузиасты.

У машины горел костерок. На его фоне мелькали две фигуры. Раздались два выстрела, означавшие «Сбор».

Мы с Домбровским сделали, как было условлено, по одному ответному выстрелу и вернулись к машине.

Гордеич с шофером, уже пропустив по «маленькой», приготовили хороший ужин. На перевернутом ящике стояли открытые банки печени трески и колбасного фарша, лежал нарезанный крупными кусками балык. В термосе был заварен отличный индийский чай «со слоном».

Остаток светового дня провели в дружеской беседе. Побасенки, анекдоты, курьезные случаи из жизни, песни, сочиненные приискателями, подняли настроение, испорченное неудачной охотой. Вдоволь нахохотавшись, двинулись обратно на Комсомольский.

На перевале Журавлиный сделали остановку. Все вышли размяться. Я задержался, потому что понадобился рюкзак. Когда я потянул его к себе, то почувствовал в нем что-то тяжелое. Развязав, увидел в рюкзаке большой валун. Сразу догадался, что это «работа» Гордеича! Вынул камень, нашел рюкзак, похожий на рюкзак шутника, и положил «сувенир» туда. После чего присоединился к вышедшим из машины.

В поселок приехали уже затемно. Быстро разобрали свои вещи и разошлись по домам.

На следующий день началась обычная трудовая неделя. В кабинете Гордеева, кроме его стола, стояли столы начальника буровзрывных работ и участкового инспектора Певекской РайГТИ. Поэтому в нем всегда былолюдно. Постоянно заходили по разным вопросам взрывники, сдающие ТБ новые рабочие, сослуживцы, которые что-то уточняли, согласовывали, выясняли...

До обеда работа происходила в обычном режиме. Про поездку не вспоминали. Петр про камень ничего не рассказывал, а я делал вид, что ничего не знаю. Однако чувствовал, что скоро наступит развязка этой истории.

После обеда в кабинет пришли взрывники, начальники участков, начальник ПТО. Зашел Домбровский согласовать со мной сроки исполнения некоторых пунктов

предписания. В это время вошла почтальон и вручила Гордееву извещение на посылку с доплатой 10 рублей за неучтенный вес при отправке из Сочи.

А в «Сочах» отдыхал, находившийся в отпуске, давний друг Гордеева - Полезин Володя. Петр Иосифович, увидев, что посылка от приятеля, возрадовался, и с возгласом: «Спасибо Володе, сейчас «вреем» коньячку!», побежал на почту.

Присутствующие к этому событию отнеслись весьма заинтересованно и с нетерпением ожидали возвращения хозяина кабинета. Здание почты было рядом с управлением, поэтому ожидание длилось недолго. Вскоре Гордеев, улыбаясь, появился в кабинете с ящиком в руках.

Посыпались радостные возгласы:

- Ого, какая тяжелая. Наверное, там бутылки четыре!
- Несите стаканы!
- И закусь тоже!
- Не толпитесь, всем хватит.
- Ай да молодец Володя, такой подарочек прислал. Наверное, армянский!

Кто-то принес гвоздодер, нож. Появились стаканы. Быстро освободили от бумаг один из столов. Люди заинтересованно наблюдали, как Петр ловко открывал крышку ящика.

- Крак!- крышка отлетела в сторону. Все придвинулись к столу и остолбенели. В ящике лежал большой камень. Секунды две стояла гробовая тишина. Потом раздался взрыв оглушительного хохота, от которого задрожали стекла.
- «Вот так выпили! Ха-ха-ха!!!»

С вопросительными лицами начали заходить хозяева других кабинетов. Узнав, в чем причина веселья, они тоже принялись хохотать. Деловой режим дня был нарушен.

Только Гордеев, красный как рак, стоял с открытым ртом, не зная, что ему делать: смеяться, или плакать. Он, конечно, узнал это камень.

А Домбровский, хитро подмигнув мне, забрал предписание и ушел к себе, напевая: «Ведь мы ребята, ведь мы ребята, семидесятой широты!»

Я вам молочка привез.....

История, рассказанная рыбаками пос. Промежуточный, в пересказе Алексея Загоркого. После успешного завершения промсезона основная масса народа уходила в отгулы, и как обычно в это время собирались бригады рыболовов любителей, которые ехали на осенне зимнюю рыбалку по местным рекам.

Одна из таких бригад прицепив балок к трактору выехала из пос. Промежуточный, направляясь в сторону речки Глубокая, на мальму. Рыбалка пошла успешно, времени хватало, но вся беда в том, что быстро закончилась водка.

И на общем собрании бригады, было принято решение, послать за водкой тракториста Лёху Доброскокина.

Ребята пошли на лунки, а Лёха сел за рычаги, и рванул на поселок. Приехав и основательно затарившись ценным грузом, отправился в обратный путь. Путь его пролегал через уже закрытый поселок геологов Паляваам, людей оттуда уже выезли на Майский, но остались лошади и Лёхин приятель, сторож который их якобы охранял.

Друзья выпили за встречу, за все доброе, потом ещё и ещё, понятно что пили они не один день, но водка имеет свойство заканчиваться, Лёха снова рванул на посёлок, и снова история повторилась, и повторялась если я не ошибаюсь, в течении двух недель. Уже жёны на посёлке забеспокоились, а бедные рыбаки, рыбы, конечно, наловили много, но кончился хлеб, и другие продукты, можно сказать сидели на одной рыбе. А Лёха очухавшись от пьянки, понял, что на посёлок уже ехать бесполезно, прихватил у друга молочный бидон с брагой, врубил петуха, и направил трактор в сторону Глубокой, не забывая по дороге зачерпнуть из бидона кружечку, и похмелиться. Когда рыбаки

подбежали к долгожданному трактору и открыли дверь, Лёха только и успел произнести: "Я вам, ити его мать, молочка привёз", и с этими словами вывалился на снег. А в кабине ребята обнаружили пол бидона браги.

01.11.2009 21:00

Эх, гостиница моя...

На устье реки Пучувеем (впадает в Чаунскую губу с юга в районе Усть-Чауна) стоит домик, который называют «гостиница». Его для пастухов, кочующих со стадами оленей в Чаунской тундре, построил здесь совхоз «Певек».

Красивое место. Хорошая рыбалка. Есть лодка и сеть. В изобилии пресноводная белорыбица разного сорта. В хорошие, «клёвые» дни за один всего заброс сети можно наполнить рыбой рюкзаки под завязку и возвращаться домой.

Хозяин лодки и сети – чукча Вася. Он с женой живет в яранге рядом с домиком. Рыбаки Комсомольского знают это место. И нашей «бригаде», возглавляемой Алексеенко (Ульянычем), дважды удалось побывать в этом месте. И дважды мы улетали домой с хорошим уловом.

Ульяныч с Васей знаком давно и знает к нему подход. Сначала чукча разрешает пользоваться лодкой и сетью. Но через некоторое время он приходит и делает вид, что хочет забрать сеть. Ульяныч понимает Васю без слов – дает ему бутылку. Вася уходит. Пока они с женой пьют, рыбаки шустрят, стараясь наловить побольше рыбы. Улов хороший и ко второму появлению Васи рыбалка уже заканчивается.

За пользование лодкой и сетью Васе вручают вторую бутылку. Он доволен. Рыбаки тоже. Всем хорошо! Домой возвращаемся с хорошей добычей.

Однажды летом 1967 года Грунин и Тополев со знакомыми пилотами прилетели к гостинице на вертолете порыбачить. Сгрузили рюкзаки, мешки для рыбы. Проверили вещи и ахнули – сумку с водкой забыли дома! Попросили пилотов сумку доставить вторым рейсом.

Васе объяснили, что водку забыли, но через полчаса вертолет все привезет. Вася не верит: «Русские без водки на рыбалку не приезжают!». Но всё же взять невод разрешил. Через полчаса приходит:

- Где вертолет? Где водка?

- Должен прилететь. Будет водка!

Не поверил, забрал невод и не дал им больше рыбачить. А другой приличной снасти, наши забывчивые товарищи не взяли. Рассчитывали использовать местную.

Вертолет прилетел только на третьи сутки. Был занят на других объектах. Ожидая его, рыбаки наши жили в домике. Всю рыбу, которую удалось поймать, они съели и вернулись домой «без рыбы и чешуи».

Любовь моя – камни...

Прочитал книгу Леонида Пасенюка «По Чаун-Чукотке». И словно вернулся на тридцать лет назад...

Знакомые, богатые камнями места: Полярный, Ленинградский, Кремьянка, Ичувеем! Халцедоны, агаты, сердолики, вулканические бомбы в верховьях Паляваама...

Случай первый.

1977 год. Участок Промежуточный. Володя Матвеев, Гена Кобылкин и я поплыли на моторке в верховья Паляваама за кунжой. Как раз шел нерест. Наловили много, икры наелись до отвала (от пуза!). Пора возвращаться. Загрузили добычей лодку. Но вся добыча не умещается, а лодка уже тонет. Выбросили часть рыбы. Мало. Надо еще что-то выбрасывать.

Ребята смотрят на меня и хитро улыбаются. Догадываюсь – камни! Выбросил половину. «Еще!» говорят. «Ну, нет!» Выбросил почти всю свою долю рыбы, оставил пять штук и камни. Так с камнями домой и вернулся.

После этого на Промежуточном начала ходить побасенка «Как Курепин на рыбалке вместо рыбы камней наловил!».

Случай второй.

1978 год. Та же кампания. Едем на рыбалку в верховье «Второй» речки, левого притока Паляваама. Лодку пришлось оставить на берегу. Речка мелкая, не «судоходная». Пешком прошли километров пятнадцать до плеса, куда рыба приходит на нерест. Переночевали. И с утра, как только вода забурлила, начали таскать рыбу одну за другой.

Часа через два кричу: «Хватит!» Но друзья даже ухом не повели, увлеклись. Ну, думаю, черт с вами, ловите, а я пошел в горы.

К обеду вернулся с камнями. На берегу большая куча рыбы. Ребята сидят, пропускают по «маленькой» и закусывают икрой «пятиминуткой». После дележа добычи мне досталось штук 30. Каждая по 1.5 – 2 кг! Я пришел в ужас! Как с таким грузом к лодке возвращаться? Начал сортировать. Загрузил в рюкзак 20 штук, приподнял – тяжело! А еще камни! Пересортировал. Оставил наиболее ценные. В кусты полетели палатка и плащ. Осталось в рюкзаке килограммов 25. Решаю на этом остановиться.

Ребята наблюдают за моими махинациями и хохочут.

Попили сладкого чая, доели успевшие основательно просолиться остатки икры и двинулись по тундре к реке. До лодки дошли примерно через 7 часов. Утром прибыли на Промежуточный, а к вечеру трактор доставил меня на Комсомольский.

На следующий день звонят Зачиняев с Буриевым: «Где рыбу ловили?» «На Второй речке. Как доедете до плаща с палаткой, так на этом плесе и доставайте свои удочки! До конца нереста должны успеть.»

У звонивших был свой вездеход. Поехали. Успели! Привезли много рыбы и плащ. А палатку медведь разорвал в клочья. Поел всю брошенную рыбу и «порезвился» немного.

С тех пор этот плес местные рыбаки стали называть: «А это там, где Курепин плащ оставил.»

Не только плащ я там оставил, оставил я там и свою мечту: побывать на озере Эльгыгитгин. Возможности были, но все откладывал на «потом». Все спешил куда-то по делам. Дела сбылись или нет - сейчас уже не вспомнишь. А вот мечта осталась в душе, как заноза...

Случай третий.

Камень.

В июле 1977 года мне позвонил Енбеков Борис Павлович, начальник Певекской РГТИ, и сообщил, что я должен отбыть в командировку в разведочную партию «Юбилейный» Чаунского РайГРУ для обследования состояния техники безопасности.

За мной заехала машина, которая шла с Майской ГРП в сторону Певека. В ней, кроме шофера находился геолог. Фамилия его была, кажется, Манякин (за точность не ручаюсь, давно дело было). Его задача – быть членом комиссии и решать вопросы, которые могут возникнуть при обследовании.

По дороге познакомились. Он сказал, что наслышан обо мне и даже знает об моих увлечениях. Например, камни! Я не отрицал. Есть такой «грех»!

На тему камней мы и проговорили всю дорогу до Журавлиного. Там он обещал показать уникальное, достойное внимания место.

На Журавлином перевале находился поворот на «Юбилейный». Примятая колесами грузовых машин мелкая колея поворачивала с трассы налево. В сторону Чаунской губы. Проехав по дороге метров 100, Манякин попросил остановить машину и сказал: «Вот это место!»

На площади примерно 50 квадратных метров, в результате геологического разлома, были разбросаны куски кварца различных размеров. В центре, как богатырь на поле боя, как часовой, стоящий на страже спящего вокруг воинства, возвышался Камень, формой напоминающий пирамиду высотой более 2 метров.

Недавно прошедший дождь оставил на камне капли воды, и они сверкали в лучах заходящего солнца всеми цветами радуги, подчеркивая красоту этого природного изваяния.

Друзы и отдельные кристаллы кварца, которые я набрал на этом месте, до сих пор находятся на почетных местах в моей коллекции, напоминая о тех счастливых днях жизни на Чукотке!

Летом 1979 года на Комсомольском началась подготовка к празднованию двадцатилетнего юбилея прииска. Однажды, председатель комиссии, Кравец Федор Иванович, пригласил меня на очередное заседание. Комиссия подвела предварительные итоги подготовки, отметила, что почти все сделано, и принялась за обсуждение последнего вопроса – установке «стелы» в память о юбилее прииска.

- Сергеевич, обратился ко мне Кравец, - ты весь Чаунский район объездил, много видел разных камней. Помоги найти большой, красивый камень, который мы могли бы установить как памятник. Отметить место, где велась битва за металл!

Я, без раздумья, указал на карте то место на Журавлином перевале, где я когда-то любовался стоящим на страже спящих воинов Камнем. По моему мнению, он должен был по всем параметрам удовлетворить требования комиссии. Так оно и получилось. На следующий день Камень был доставлен на поселок и начались хлопоты по его установке.

Процесс открытия памятника и празднование юбилея проходили, к сожалению, без моего участия. Находился в командировке в Певеке и вернулся на Комсомольский только через неделю. Подходя к дому, я еще издали увидел и узнал этот Камень.

Мне казалось, что теперь этот страж спящего белого воинства, будет вечно стоять на новом месте, как символ воплощения мечты сотен первопроходцев, нашедших и начавших разработку первого чукотского промышленного месторождения золота.

«Как знак победы человека над краем вечной мерзлоты,
на Ичувеемской долине, семидесятой широты».

Но, к сожалению, это только казалось. Где сейчас этот камень? Где один из лучших в Магаданской области приисков? Все кануло в Лету...

Золотые кадры прииска...»

Идем с П.И.Гордеевым домой на обеденный перерыв. Навстречу, по улице Ленина, лихо чешет на «петухе» трактор.

Петр поднимает руку: «Стой!».

Дверца открывается. Из кабины показывается знакомое лицо водителя.

- Ты что, хочешь людей подавить? Почему по поселку разъезжаешь, как на «Победе»?

- Ага, дома пообедал. На работу еду. – отвечает он улыбаясь.

Гордеев махнул рукой: «Что с него взять – глухой. Недавно привез с материка жену, вот и старается почаще быть дома.»

-«А почему ты не наказал его? Надо снять с машины, лишить права на управление»- говорю я.

- «Нет, не могу».

И рассказал кратко историю чукотской жизни водителя:

«Зовут его Володя Соколов. Всю жизнь работал трактористом-бульдозеристом. Сначала на Красноармейском прииске. А в 1957 году прокладывал первую колею на участок «Средний Ичувеем». Перевозил материалы, оборудование, домики для жилья. Рейсовик от бога. Асс – дальнобойщик. От Певека тундру исколесил во всех направлениях. Задания выполнял всегда. Надежный кадр!

В результате многолетней работы от постоянного шума двигателя частично потерял слух. Плохо слышит. Теперь у него кликуха «Володя Глухарь». В коллективе пользуется авторитетом – первооткрыватель!

Поэтому ему одному из первых выделили комнату в поселке. Только вот личная жизнь никак не складывается. Три раза был в отпуске, выезжал на материк и каждый раз привозил сюда жен. А они (тут Гордеев допустил ряд образных, но не парламентских выражений) поживут с ним месяц-два и уходят к другому. Молодых парней-холостяков здесь много. И все только и ждут где бы, что бы урвать, переманить и т.д. Недавно Володя привез четвертую. Пока живут нормально. Что будет дальше – не знаю. Но хочется, чтобы жизнь у него сложилась хорошо.»

«К вопросу о российском менталитете»

В 1975 году в РГТИ пришло указание: «Усилить надзор за хранением и использованием взрывчатых веществ».

После обсуждения возможных мер на все прииски было разослано предписание с требованием в установленный срок осуществить мероприятия, обеспечивающие надежную охрану, прекращение разбрасывания и предотвращение хищения ВМ.

Большинство руководителей предприятий к этому требованию отнеслись серьезно. На участках появились передвижные «раздатки» для хранения запаса взрывчатых материалов. Здесь взрывники получали ВМ и сдавали остатки. Разбрасывание аммонита на полигонах прекратилось.

Но были и такие объекты, особенно у старателей и в геологоразведке, где по разным причинам не захотели увеличивать штаты и ограничились ящиками на полозьях, которые таскали за собой взрывники.

- Ну, что ж, пусть таскают, согласились в РГТИ, но замыкают и охраняют!

Однако, при проверках, убедились, что это условие почти нигде не выполняется. Ящики никто не охранял и не замыкал. А изготовили их для отвода глаз инспектора. Типичный для российских предприятий формальный способ выполнения требований техники безопасности.

Два примера такого «выполнения».

Гыргычан. Артель старателей. Обследование проводил Б. П. Енбеков.

От столовой до ящика с ВМ две дороги длиной 200 и 400 метров. Енбеков поехал на газике по короткой дороге. Взрывник побежал по длинной. Прибыли к ящику одновременно! Можно представить себе скорость, с которой взрывник бежал - Борзов отдыхает...

Лежит взрывник около ящика и еле дышит, но за крышку держится крепко. Двумя руками. Замка на ящике нет.

- «Ты что здесь делаешь?»

- «Охраняю!»!?

Разведбригада на ручье Верхний Ичувеем. Обследование проводил Е.С. Курепин

Зима. Подъезжаю к разведбригаде. Издалека вижу, что взрывник Гена Сметанин бежит из будки в тундру по линии шурфов.

Зашел в будку. Поговорил с горным мастером. Проверил документацию. Попили чаю... Часа через два вышел и пошел вдоль линии шурфов. Осматривал их минут тридцать. Холодно. Температура ниже нуля градусов на 25.

Подхожу к Сметанину. Он замерз. Сидит на ящике с ВМ, щелкает зубами. На снегу свежие окурки «Беломора»! На ящике замка нет.

- «Гена, ты что тут делаешь?»

- «Охраняю».

- «От кого? От инспектора?!»

«Золотинки...»

1969 год. 27 марта. Охранник звонит из конторы на квартиру Гордееву: - «Иди, забери дочку! Они с девочками играли во дворе у конторы. Увидели чукчей. Испугались. Побросали санки и забежали в контору. Орут, как зарезанные. Не могу их успокоить!»

1970 год. Разведучасток прииска.

Приехал Лычкин Костя. Он давно мечтал работать на севере. Поступил на работу шурфовщиком в бригаду Головатского. Работал хорошо, хоть работа шурфовщика тяжелая. Но ему нравится – хороший коллектив, красивая природа. В общем, мечту свою осуществил!

Пишет маме письмо, в котором сообщает, что жив, здоров, живет хорошо. А в конце добавил, что «зарезал два шурфа».

Мать ему отвечает: «Рада за тебя, сыночек, хоть на зиму будешь с мясом».

1977 год. На поселке «Надежный» живет собачка «Марта». Не любит чукчей и всегда на них лает. Если кто-нибудь крикнет: «Марта, чукчи!» Она – «Гав, гав, гав...»

1978 год. Поселок Комсомольский.

Гараж легкового автотранспорта. Водители все молодые ребята. Любят пошутить. Своим машинам дали названия:

- «Антилопа Гну» - машина первого участка.
- «Ну, погоди» - машина второго участка.
- «УХ!» - автомобиль председателя прииска Таболова.
- «Эх, прокачу!» - машина главного инженера.
- «Атас!» - газик инспектора РГТИ Курепина.

1964 год. Первый участок прииска Комсомольский.

Началась промывка песков на новом приборе. Промывка идет уже вторые сутки. В колоде золота нет.. Геологом на участке работает Любушин. Рабочие с возмущением спрашивают у Любушина: «Ну, где же золото?»

- «А откуда ему взяться!» - меланхолично отвечает он.

На третий день в колоде золото появилось.

- «Любушин, золото пошло!» - кричат рабочие.

- «А куда ж ему деться!» - также спокойно отвечает тот.

Все на помощь пивзаводу...

В начале 1970 года в Певеке закончилось строительство пивзавода. Стосковавшиеся по пиву жители райцентра и его окрестностей с нетерпением ожидали торжественного события – варки первой партии. До хрипоты спорили об ожидаемом качестве хмельного напитка, возможной крепости и сроке сохранности. Знатоки рассказывали, как проверяют качество пива чехословацкие пивовары. Но начало пивоваренного сезона задерживалось. Общественность начала волноваться...

Оказалось, что для производства пива не хватало специальных емкостей – дубовых бочек, в которых этот напиток должен завершать процесс своего созревания. Необходимое количество бочек обещали прислать в навигацию.

Пришло лето. Как всегда руководство приисков приняли меры по ограничению продажи спиртного. Наступил очередной «сухой» промсезон. Долгожданный транспорт с бочками, пришел только в конце августа. Чтобы не возить в трюме воздух, бочки были заполнены красным вином. Кагор, портвейн, крепленые фруктовые вина...

Бочки сгрузили и начали освобождать от попутного груза. Чтобы процесс ускорить, был пущен слух, что пиво начнут производить только после того, как емкости станут свободными.

«Поможем, братцы!» - откликнулись люди. И началась вселенская (Чаун-Чукотская) пьянка! Бочек привезли много. Опустошали их всю осень и половину зимы. Со всех приисков в Певек устремились люди с разнообразными емкостями. «Пойло», которое после прибытия в райцентр посланцев измученных «сухим» законом золото и олово добытчиков полилось рекой, народ тут же окрестил «Барматуха!».

Жители Певека и многочисленные приезжие с удовольствием шли в магазины за дешевым сладким вином с банками, канистрами, кастрюлями и даже с тазами.

Однажды я видел такую картину. Из магазина вышло несколько человек, которые сопровождали четверых, несущих полное ведро и полный таз барматухи. В руках у сопровождающих кружки и банки, которыми они зачерпывают из таза его содержимое, и тут же на ходу, пьют. Весело переговариваясь, группа идет по коробу. Шатаются. Спотыкаются о торчащие плохо прибитые доски. Вино плещется. Выливается на землю и на ноги. Процессия останавливается, меняет носильщиков. Носильщики забирают у сменщиков их кружки. Все дружно ругают городское начальство за «кривые тротуары» и двигаются дальше в направлении барака, известного среди командировочных, как гостиница «Золотой клоп».

Выступающий на торжественном собрании по поводу октябрьских праздников начальник УРСа, Шавкун, доволен: - «Больше половины бочек осушили, к лету можно запускать пивзавод!».

Закон «бутерброда»

Порт Певек. Навигация 1974 года. Июль.

У причала стоит пароход «Джурма». Бригада докеров разгружает продукты питания. До конца смены остается 10 минут. Бригадир подает условный знак. Несущий на плече ящик с водкой грузчик спотыкается. Ящик падает на землю. Часть бутылок разбивается. Раздаются громкие крики «возмущенных» рабочих. Эти крики слышит кладовщик-учетчик, и тоже выражает свое негодование: «Ах, ты, ... такой-сякой! Ах, ты дубина, ах ты...!».

В это время на помощь упавшему бросаются несколько человек. Под разбитым ящиком уже стоит неизвестно откуда взявшийся таз. Туда стекает жидкость из разбитых бутылок. Бутылки, выдержавшие оговоренное ГОСТом испытание на «сброс на бетонное основание с высоты 1 метр», добивают при помощи подручных средств. Таз уносят. Бригадир собирает горлышки от разбитых бутылок и сдает их кладовщику для отчета. Такой порядок. После этого бригада, закончив смену, уходит в общежитие ужинать.

Это только бутерброд всегда подает маслом вниз на пол. На месте случайного падения ящика с водкой всегда, случайно, оказывается приличных размеров таз.

Из актов о расследовании инспектором РГТИ Е.Курепиным несчастных случаев

Медвежье стадо

Участок 47й км. Старательская артель «Чукотка». 30 августа 1978 года.

После ужина рабочий артели Чурсин Ю.И. пошел выносить ведро с отходами. Подошел к мусорному ящику и высыпал туда мусор. Из ящика с криком выскочил медвежонок. Тут же, откуда не возьмись, появилась медведица. Схватила Чурсина за голову, сняла скальп и сломала ему руку. Он с трудом вырвался и убежал в будку. Рабочие оказали ему первую помощь и отправили на тракторе в Певек.

На следующую ночь трое рабочих с ружьями сделали на медведицу засаду. Но она пришла не одна. С ней было еще пять штук вполне взрослых бурых медведей. Как только

охотники увидели это стадо, они покинули место своей засады, спрятались в будках и через окна и приоткрытые двери начали стрелять в сторону мусорного ящика. Медведи сразу разбежались.

Весь следующий день рабочие бригады не работали, а готовились к предстоящему визиту хозяев тундры. Отливали из мелкой дроби жаканы. Переснаряжали подготовленные к осеннему перелету патроны. Пришла подмога из соседней бригады. Всего набралось 12 человек. С наступлением темноты снова засели в засаде. Ждали долго. Но на этот раз медведи не пришли. И, вообще, в этом районе они больше не появлялись.

Кипит наш разум...

Участок Дорожный прииска Комсомольский. 7 ноября 1978 года.

Трудовой коллектив участка отмечал 61 годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Шофер по фамилии Штум хорошенько «поддал». Вышел из будки покурить, вспомнил старые обиды и решил окончательно выяснить отношения с начальником участка Сергеем Забродыкиным.

Вернулся в свою будку. Взял ружье. Хозяйка и гости начали его уговаривать глупостей не делать, а ружье положить. Попытались задержать. Жена ухватила за приклад и тянет ружье к себе. «Борец за правду» - к себе. Раздается выстрел и Штум с простреленной головой падает с крыльца. Насмерть!

Отношения «выяснены». Жена стала вдовой. Двое детей осиротели. Кто виноват?

Продолжение следует...